

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

**АННА
ГУРОВА**

ПРЯТТА

**Книга 5
ЗИМНЯЯ
ЖЕРТВА**

Миры Марии Семеновой (Азбука)

Мария Семёнова

Аратта. Книга 5. Зимняя жертва

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Аратта. Книга 5. Зимняя жертва / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Миры Марии Семеновой (Азбука))

ISBN 978-5-389-19786-2

По всей Аратте множатся знамения гибели мира. Пора спросить себя: зачем ты жил? Куда стремился и чего достиг? Что не можешь изменить, и главное – что еще можешь? «Ты летишь сквозь чужие судьбы, как отравленная стрела», – говорили о лазутчице Янди. Однажды она начинает задумываться, кто выпустил эту стрелу и зачем. Убежденная в своей божественности, царица Аюна осознает, что раз за разом за нее расплачиваются близкие и вовсе не счастье она несет людям, а горе и смуту. Но она найдет того, с кем рядом ее жизнь обретет настоящий смысл. Ширам, правитель накхов, уверен: он лучше знает, что нужно его народу. Однако народ считает иначе. Когда боги замолкают, воля выступает против воли и брат идет на брата. Что может остановить войну? Зимняя жертва – плата за жизнь, она не должна быть напрасной... Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве Марии Семёновой и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-19786-2

© Семёнова М. В., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	44
Часть 2	50
Глава 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Семёнова, Анна Гурова
Аратта. Книга 5
Зимняя жертва

Пролог

Синие пещеры

Двое стояли на краю ущелья и молча глядели вниз. Крутой заснеженный склон спускался к речушке со странной молочно-голубой водой, весело журчащей среди окатанной гальки. Дальше, по ту сторону реки, представало устрашающее зрелище. Казалось, некий злой бог истерзал склон горы, расшвыряв во все стороны осколки и обломки. Каменный завал тянулся несколько сот шагов, пока не упирался в ровную, будто срезанную, скальную стену, уходящую ввысь. «Молочная» речка казалась кромкой, отделяющей мир людей от мира духов.

– Чтоб мной ненасытный Хул подавился! – озадаченно произнес немолодой одноглазый бьяр в медвежьем плаще поверх пластинчатого доспеха. – Куда девалась половина горы? Тут должна быть куча камней! Осенью она прямо на моих глазах сползла в эту реку. Никто и охнуть не успел, как поднялась такая волна, что моих парней едва не смыло к голодным дивам...

– Любопытно, – отозвался второй, снимая соболью шапку и утирая пот со лба. – Помнится, ты прекрасно описал тот обвал на приеме у государя Аюра: «Половина горы рухнула, будто отрубленная незримым мечом...»

– Да, именно так все и было!

– Однако я вижу здесь лишь мелкий ручей и никаких остатков горы...

– Значит, Хул ее забрал. И сожрал. Надеюсь, она застряла у него в кишках. Или его отродья тут плясали в полнолуние и растоптали гору в каменное крошево...

– А может, она попросту уползла? – усмехнулся второй, разглядывая разрушенное паводком ущелье. – Говорят, тут такое порой случается...

Ясноликий Аршалай, наместник Бьярмы, весь путь от Майхора проделал в золоченом расписном возке, поставленном на полозья, и не слишком переутомился. Однако санный обоз пришлось оставить на опушке и последнюю часть пути через лес проделать на лыжах, к чему знатный арий совершенно не привык. Его круглые щеки покраснели от непривычной ходьбы, но глаза сверкали предвкушением. Наконец он был там, куда так долго стремился попасть.

Эти плоскогорья в Аратте называли Змеиным Языком, поскольку они, будто раздвоенный язык Первородного Змея, тянулись из полуночных земель к дригским лесам и болотам. Мохначи, исконные жители Змеиного Языка, прозвали свои горы Ползучими, и, кажется, неспроста. Что-то неладное в последние годы творилось на их родине. Землю внезапно рассекали бездонные трещины, уходили прочь стада мамонтов и косматых быков. Сами горы меняли привычные очертания, будто впрямь куда-то ползли.

– Значит, вот он каков, Змеиный Язык! – склонив голову набок, произнес наместник. – Я много слышал о нем скверного, и, похоже, все правда... Однако, если Исварха к нам попрежнему милостив, именно под этими горами может таиться спасение Аратты!

– Под этими горами, – мрачно отозвался глава ловчих, – только вода, грязь, голодные духи, черви-землегрызы и размазанные в тонкий блин останки беглых каторжников!

– Не только, доблестный Каргай, не только! Кстати, напомни-ка, что ты говорил перед троном государя Аюра? О здешних пещерах, где пытались спрятаться упущенные тобой беглецы?

– Непременно, ясноликий, – язвительно ответил Каргай. – Но может, сперва объяснишь, за каким Хулом мы сюда притащились?

Аршалай загадочно улыбнулся:

– В свое время, достойный Каргай, ты все узнаешь...

Глава ловчих скрипнул зубами. Святое Солнце, доколе ему терпеть эти издевательства? Он-то предвкушал, как голова Аршалаа будет улыбаться ему с высокого кола, на который ее насадят после торжественной казни, а вместо этого вынужден быть у него на побегушках, служить проводником! Почему так получилось? Каргаю живо припомнилось, как они с наместником столкнулись в чертогах юного государя. Аршалаа едва не помер с перепугу, увидев их вместе с Маганом – «крашеным царевичем». Тот миг был прекрасен!

Однако проклятый наместник все равно сумел вывернуться! Даже свидетельство слизняка Магана только сыграло тому на руку. Аршалаа представил свою интригу с лжецаревичем как искусную западню сразу и на бьярских, и на вендских мятежников. Все враги государя якобы должны были слететься на этого мальчишку, точно мухи на мед! И несомненно, так бы и произошло, не опереди их излишне усердный «доблестный Каргай»... Глава ловчих и опомниться не успел – а он уже не герой, а туповатый вояка, разрушивший тонкую игру правителя Бьярмы. Вместо торжества – во всем виноват. Аршалаа тут же этим воспользовался и предложил ему «искупить промашку», оказав наместнику услугу в важном и тайном деле...

И вот теперь они стоят на бровке ущелья в самом отдаленном и опасном из всех медвежьих углов Бьярмы, а наместник по-прежнему ни слова не сказал, зачем им понадобилось ломать ноги по Хуловым непролазным трущобам. Да притом ранней зимой, в самое темное время, когда добрые люди сидят по домам и стараются не соваться в лес. Какую новую игру он затекает?

– Маханвир Каргай задал наместнику вопрос, – раздался вдруг тихий шипящий голос за спиной Аршалаа. – Не пожелает ли ясноликий ответить на него?

Правитель Бьярмы резко обернулся. В паре шагов от него стоял молодой нахх в полущубке из меха росомахи.

– Да чтоб тебя, Шайн! – Наместник повернулся к ухмыляющемуся Каргаю. – Вот так они постоянно подкрадываются ко мне. Уверен, изменник Данхар нарочно их подучил...

Шайн был главой личной стражи Каргаа и повсюду его сопровождал, мозоля наместнику глаза. Аршалаа не подавал виду и даже любезно улыбался Шайну, но его передергивало всякий раз, как он видел серую ленту рода Хурз в черной косе юноши.

– Да позволено мне будет напомнить ясноликому, что соратники на государевой службе, делающие одно дело, должны доверять друг другу и не утаивать своих замыслов, – продолжал нахх скромно и вежливо. – Иначе какие же они соратники? Может, и не соратники вовсе?

Аршалаа скривился. Проклятый Шайн начал портить ему кровь еще в тот вечер после памятного приема у Аюра. Выбрал время, когда наместник оказался один, неслышно подошел и заговорил...

«Не расскажет ли наместник, что случилось с моим маханвиром?»

«Кто ты такой и как смеешь обращаться ко мне без дозволения?» – недовольно спросил Аршалаа.

«Наместник меня знает, – глядя на него в упор, ответил молодой нахх. – Меня зовут Шайн из рода Хурз».

«Гм... А, припоминаю, – медленно проговорил Аршалаа, чувствуя, как кровь леденеет в жилах. – Так ты спрашивал о Данхаре...»

«Он вошел в твой дом, но не вышел оттуда».

«Увы, Данхар оказался изменником и врагом государя, – ответил правитель Бьярмы, быстро оглядываясь в поисках своей охраны. – Закон суров и равен для всех...»

«Его казнили по твоему приказу? – спросил Шайн, приближаясь к нему. – Ходят слухи, будто ты самолично отрубил ему голову, – это правда?»

Аршалаа вспомнил, как у покойного Данхара в миг опасности нож будто вырос из руки, и живот аж скрутило. Наместник понимал: чернокосый, стоит ему захотеть, не меня-

ясь в лице, прикончит его так быстро, что и «ой» сказать не успеешь. Он через силу улыбнулся:

«Скажи, славный юноша, ты присягнул нашему государю Аюру?»

«Конечно, вместе с маханвиром Каргаем, которому сейчас служу».

«Это прекрасно! – взбодрился Аршалай. – Слыхал ли ты о том, что знатная накхини по имени Марга дерзко объявила мне кровную месть?»

«Марга, дочь Гауранга, – племянница Данхара, – кивнул накх. – Они были врагами с дядей, но долг велит мстить за родичей...»

«А слышал ты, что государь Аюр прямо запретил ей мстить? Ибо все присягнувшие ему – соратники и потому не смеют враждовать между собою. Ты услышал меня?»

«Да, – помолчав, ответил Шайн. На его смуглом лице промелькнуло разочарование, и он отступил на шаг. – Я склоняюсь перед волей сына Солнца. Впрочем, судьба может перемениться...»

...И вот теперь этот Шайн постоянно маячил где-то рядом, будто тень воронова крыла, грозящая гибелью. Аршалай кинул выразительный взгляд на Каргая.

– Не лезь, Шайн, – лениво бросил воевода. – Без тебя разберемся.

– Как прикажет маханвир, – склонился тот, уходя к деревьям.

– Наглец, – не удержавшись, проворчал Аршалай, когда глава телохранителей удалился. – Признаться, порой кажется, что вот сейчас мне кишки выпустит...

– Это накхи, – пожал плечами Каргай. – Кто знает, что на уме у змеепоклонников? А уж кровная месть для них святое.

– К счастью, не святее долга перед государем.

– Как знать, ясноликий! Я бы не удивился, узнав, что он убил кровника, после чего во искупление нарушенного запрета зарезался сам...

– По счастью, мы сейчас делаем одно правое дело, – с досадой ответил Аршалай. – И старые счета можно отложить на далекое, неопределенное будущее... Ну давай, друг мой, расскажи, что случилось осенью. А затем я открою, зачем мы здесь. Итак, бунтовщики попытались сбежать от тебя на Змеиный Язык...

– Туда удрали, за речку, – показал рукой Каргай. – Успели подняться на склон и войти в одну из пещер. Потом гора начала рушиться...

– Ясно... но где же пещеры?

– Да вон они синеют.

Аршалай изумленно уставился на дальний склон, испещренный синеватыми пятнами:

– Так это все пещеры?! Их тут как дыр в сыре!

– Угу. Во время обвала оттуда хлестали настоящие водопады. Видел бы ты, как мгновенно вздулся тот ручеек! Потом, должно быть, вода ушла... Ясноликий, что ты затеваешь?

Аршалай деловито отвязывал лыжи.

– Пройдусь к пещерам, – небрежно сказал он. – Загляну в ту, что поближе.

– Недоброе ты задумал, – обеспокоенно произнес Каргай. – Входить в эти пещеры – все равно что сунуть голову в пасть Первородному Змею!

– Арьи – дети Солнца, – надменно вскинув пухлый подбородок, отозвался Аршалай. – Господь Исварха этого Змея узлом завяжет!

– Но не в его же собственном логове!

– Да хоть в его собственной заднице! Один взгляд Господа Солнца – и от Змея Тьмы останется лишь зола...

Правитель Бьярмы принялся неспешно спускаться по каменистому склону. Каргай, вполголоса поминая Хула и всех его подземных родственников, последовал за Аршалаем. На

опушке вновь появился Шайн, молча поднял руку. Из-за деревьев с опаской выступили охранники-бьяры.

– Лучше бы господину наместнику вернуться, пока не поздно, – бледнея, пробормотал один из них. – Он там сгинет, и мы с ним...

– Вперед! – прошипел накх. – Не то здесь умрете!

Четверо сняли лыжи и поплелись за наместником, как на казнь.

Аршалай, не обращая на охрану никакого внимания, по камням перешел ручей и углубился в завал. Пробираясь среди осыпи было нелегко. Каргай с неприязнью смотрел, как изнеженный вельможа то с кряхтением перелезает через каменную преграду, то неловко перепрыгивает с обломка на обломок. «Вот бы поскользнулся», – подумалось ему. Затем воеводу посетила тревожащая мысль: если уж наместник себя не жалеет ради каких-то неведомых, но важных целей, то других и подавно не пощадит...

Ближайшая пещера, издаലെка казавшаяся невзрачным пятном в грязно-белой скале, вблизи оказалась вовсе не маленькой. Из отливающего синевой зева тянуло великой, медлительной стужей. Аршалай остановился у входа, задрал голову. Над ним неестественно гладким, будто полированным, козырьком нависал свод. Почва под ногами была неровной и сырой, источенной потоками воды. Приглядевшись, наместник понял, откуда синий отсвет и накатывающие волны мороза: свод огромного подземелья был ледяным.

– Ясноликий! – предостерегающе крикнул Каргай, глядя на нависающие лазоревые пласты. – Ты бы не заходил глубоко!

– У нас говорят, – добавил позади один из бьяров, – лед что новый друг: обманчив да ненадежен...

Но владыка Бьярмы, не слушая, вступил под мерцающие своды и медленно пошел вперед. По мере того как глаза его привыкали к сумраку, пещера открывалась ему во всей своей жутковатой красе. Казалось, чем глубже она уходит в недра Змеиного Языка, тем выше поднимается свод, тем шире раздвигаются стены. Скользкий пол подземелья медленно уходил вниз. Где-то во тьме журчало, капало...

Каргай неохотно вошел в ледяной чертог и остановился. Ноги просто отказывались идти. За спиной слышалось учащенное дыхание стражников-бьяров.

– Повсюду лед! Все нутро гор обледелено! – раздавался впереди бодрый голос Аршалай. – Похоже, Змеиный Язык насквозь пронизан пещерами и пропитан льдом, как пирог вареньем! Тогда и ползающие горы находят объяснение... Когда солнце начинает пригревать, – владыка Бьярмы повернулся и воздел указательный палец, – лед в южной оконечности гор тает. Недра хребта освобождаются от воды, она течет дальше, в вендские земли, и разливается болотами! Вот в чем разгадка тамошних опустошительных паводков! Поразительно, как связаны между собой природные явления в отдаленных областях нашей державы... Надо будет непременно послать разведчиков – выяснить, далеко ли простираются пещеры. Это может оказаться жизненно важным...

– Если мудрейший наместник выйдет наружу, его будет слышно намного лучше!

Аршалай рассмеялся. Синие глубины отозвались причудливым эхом.

– Все дорогу, доблестный Каргай, ты только и гадал, зачем я стремился сюда. Признайся, надеялся, что Маган спрятал где-то в предгорьях тайное послание к Станимиру, которое погубит меня? А вот и нет. Мне нужны были эти самые пещеры. Как только ты впервые упомянул их в своем докладе государю, передо мной словно вспыхнул ослепительный свет!

Воевода ошеломленно глядел на собеседника.

– Я будто услышал глас свыше, – вдохновенно продолжал наместник. – Господь Исварха раскрыл надо мной небеса и изрек: «Вот спасение Аратты...»

Аршалай вдруг поскользнулся, взмахнул меховыми рукавами, вскрикнул... и исчез.

Каргай метнулся было к нему, но куда там! Крик Аршалаа, отражаясь многократным, устрашающе искаженным эхом, летел откуда-то снизу, становясь все тише. Вскоре донесся отдаленный всплеск, и крик смолк. Глава ловчих с ужасом уставился на то место, где только что находился наместник. Оказывается, тот стоял на самом краю ледяного желоба, вместе с полом круто уходившего вниз, в непроглядную подземную тьму.

– Ах ты ж, Хулово дерьмо! – Каргай повернулся к подскочившему Шайну. – Где охрана?! Наместник провалился!

Однако при виде ледяной бездны, поглотившей Аршалаа, бьяры, кинувшиеся было на помощь, дружно отшатнулись и упали на колени.

– Пасть самого Предвечного Змея! – бормотали они. – Сожрет и тело, и душу! Прикажи казнить...

– И прикажу! – рявкнул Каргай.

Он стоял, сжимая кулаки и ругаясь, быстро думая, что делать дальше. Когда глава ловчих мысленно желал наместнику поскользнуться, он имел в виду вовсе не это! Как-никак Каргай сейчас отвечал за него головой. Если он не убережет Аршалаа, останется только уйти в разбойники...

С невольным содроганием Каргай заглянул в пропасть. «А ведь и я мог туда... Один лишний шаг... Воистину глотка Предвечного Змея!»

– Маханвир считает, что наместника надо оттуда достать? – раздался рядом голос накха.

– Само собой, будь я трижды проклят!

Шайн кинул вниз небольшой камень, прислушался к звуку падения и молча соскользнул по ледяному желобу во тьму.

* * *

Стремительный полет закончился именно тем, чего и ожидал Шайн, – падением в воду. Он погрузился с головой, нащупал ногами дно, оттолкнулся и встал во весь рост, насмешливо улыбнувшись. Глубина лужи оказалась едва по грудь.

Молодой воин огляделся. Как все накхи, он прекрасно видел в темноте, а здесь она была вовсе не крошечная. Рядом с шумом и плеском барахтался наместник, явно намеренный потонуть. Просторная шуба держала Аршалаа на воде, но и мешала ему выбраться. Шайн схватил вельможу за воротник и выволок из воды на скользкий край промоины. Аршалаа упал на холодные камни, надрывно кашляя.

– Ч-что случилось? – прохрипел он, едва придя в себя.

– Ты упал в воду, ясноликий.

– Это я заметил... – Взгляд наместника понемногу становился осмысленным. – Шайн? Почему ты? Где Каргай? Охрана?

– Трусливые бьяры будут казнены, когда мы отсюда выберемся, – презрительно отвечал накх.

Аршалаа сбросил с себя шубу – и так тяжелая, она стала неподъемной, с нее потоком лилась вода – и, постукивая зубами, принялся стаскивать отяжелевшие от воды сапоги.

– Что случилось? Я упал в трещину?

– В промоину. – Телохранитель указал на скользкий желоб, по которому они съехали в лужу.

– Как ты намерен выбираться отсюда?

– Думаю, маханвир Каргай пошлет за факелами и веревками.

– Пока они будут бегать туда-сюда, мы тут к скалам примерзнем!

Шайн, в своей кожаной одежде и перетянутых у голени мягких сапогах, в отличие от наместника, даже не очень промок. Он внимательно посмотрел на промоину, затем на вельможу, что-то обдумывая.

– И как ты отважился сунуться сюда? – покачал головой Аршалай. – Бьяры до смерти боятся этих подземелий, считают их логовом Первородного Змея...

– Мне ли бояться Отца-Змея?

– Ах да, про вас рассказывают, что вы опять поклоняетесь ему...

Накх не ответил.

– Ты смелый и верный воин! Я щедро награжу тебя.

– Я не приму от тебя награды.

– Ты вытащил меня из воды, Шайн! Ты спас мне жизнь!

Лицо юноши, обычно выученно-бесстрастное, исказилось от гнева.

– Я не спасал тебе жизнь! – зашипел он. – Я лишь выполнял приказ маханвира Каргая!

– Все равно я теперь твой должник...

Шайн резко и весьма непочтительно отвернулся.

«Почему я его вижу? – запоздало сообразил вдруг Аршалай. – Мы ведь под землей!»

Наместник оглянулся, поднял глаза – и онемел.

Они находились в огромной, погруженной в голубоватый сумрак пещере. Пожалуй, это подземелье могло бы вместить целый город! Склон, усыпанный темными, с металлическим отливом каменными обломками, плавно уходил вниз, постепенно спускаясь к обширному неподвижному озеру с молочно-голубой водой. Высокий блестящий свод напоминал застывшие волны и чуть сквозил лиловым на просвет. Там и сям сумрак пронизывали бледно-розовые лучи, – видимо, это сочился дневной свет из многочисленных выходов, которые Аршалай с Каргаем заметили, стоя на краю оврага.

– Святое Солнце! – Наместник тут же забыл и о накхе, и о своем плачевном положении. – Да сюда же взлезет целое море! Хвала Исвархе, что сподобил меня рухнуть в эту бездну!

Шайн бросил косой взгляд на наместника: «Головой ударился, что ли?»

– С тех пор как государь Аюр остановил рытье Великого Рва, мое сердце не знало покоя, – быстро говорил Аршалай, потирая руки. – И когда я почти отчаялся, Господь Солнце послал мне дурня Каргая с его беглыми каторжниками... Я закончу строительство еще до конца зимы, если поведу Великий Ров сюда, в пещеры Змеинового Языка! Не надо будет тратить целый год на преодоление водораздела...

– Накхам нет дела до вашего Великого Рва, – равнодушно отозвался Шайн и указал на пятно света неподалеку. – Похоже, там можно выбраться. Ты и в самом деле можешь не дожидаться помощи от Каргая. Нам надо двигаться, иначе замерзнем.

– Ты прав. – Аршалай неохотно оторвался от созерцания подземного простора. – Идем скорее!

«Забавно: гнусный накх спас мне жизнь, хотя уже давно мечтает ее отнять, – подумал он. – Надо будет почаще напоминать ему об этом...»

Выбраться наружу оказалось не так просто. Каменные завалы на дне пещеры – холодные, скользкие, покрытые коркой льда обломки скал – измучили обоих. Когда в глаза наконец ударил дневной свет, заставляя жмуриться, даже молодой накх остановился, тяжело дыша. Что до Аршалай, тот еле стоял на ногах. Соболья шуба давно осталась где-то позади, шапка тоже, одежда обледенела и хрустела на ходу. Редкие золотистые пряди липли к покрытому испариной лбу наместника, сердце бешено колотилось.

– Иди за помощью, за Каргаем, – задыхаясь, прохрипел он. – Я сам, боюсь, не дойду...

Шайн, прикрывая от света глаза ладонью, огляделся. Глава телохранителей рассчитывал, что они выберутся из-под горы примерно там же, где и вошли, но место было незнакомое.

Несомненно, это Змеинный Язык – длинный заснеженный склон, редкие сухие травы качаются на студеном ветру, – но где именно? Как далеко от ручья?

– Мы вышли севернее, чем вошли, – сказал Накх. – Придется прогуляться. Давай, ясно-ликий. Стоять на морозе – верная смерть.

Аршалай со стоном выпрямился, сделал шаг и рухнул на колени. Шайн бросил на упитанного ария недобрый взгляд.

«Не дотащу, – подумал он. – А если оставлю здесь и пойду за подмогой – так он быстро замерзнет...» Накху вспомнилось, как на строительстве Великого Рва ссыльные, бывало, падали без сил. И каким образом надсмотрщики поднимали их на ноги. Палки под рукой нет, но есть нож, способный очень больно колоть... Чего не сделаешь ради спасения жизни! Особенно того, кто тебе задолжал...

После пронизывающей стужи пещер серенький зимний день казался теплым и ясным, но Шайн не обольщался. Стоило остановиться, как жгучий холод будто струйками воды начал растекаться по коже. Ветер крепчал, налетал злыми порывами. Закружился легкий снег, с каждым мгновением становясь все гуще.

Шайн вздохнул, наклонился к наместнику, потянул за плечо, пытаясь помочь встать, но добился лишь того, что Аршалай грузно упал ничком. Накх скрипнул зубами... и вдруг застыл. Глаза его широко распахнулись, рука оставила нож и потянулась к рукояти меча. Сквозь метель двигалось нечто огромное, белое, косматое – будто холм, раскачиваясь, шагал прямо к нему.

Молодой воин медленно опустил руку – клинком с такой зверюгой все равно было не сладить. Шайн был наслышан об этих огромных существах, но никогда не видел их. Громадина приблизилась и остановилась, шумно выдохнув пар из длинного хобота. По сторонам торчали два огромных бивня. Затем из метели появился человек в меховой одежде. Он лишь мельком взглянул на Накху в топорщившемся ледяными иглами полушубке, подошел к лежащему в снегу Аршалаю и склонился над ним.

– Вам быстро надо в тепло, – произнес он на языке Аратты. Голос был отчетливо женским.

– Наш стан тут недалеко, – торопливо отозвался Шайн. – Прошу, помощи добраться. Тебя щедро наградят...

Мохначка кивнула, окликнула своего исполина:

– Айхо!

Могучий хобот вмиг обхватил наместника и без всяких усилий закинул на холку. Следом, не успев и глазом моргнуть, взлетел наверх Шайн, затем – хозяйка зверюги.

– Показывай дорогу, – приказала она.

* * *

Над лесной поляной поднимались дымки костров и стоял гул голосов. Сани огораживали ее кругом, лоси паслись в наспех построенном загоне. Внутри санного круга зеленели наметы из еловых лап, расположенные вокруг длинных костров, способных медленно гореть целую ночь. Бьяры, сняв широкие, подбитые камусом лыжи, в каких только и пройдешь по лесному бездорожью, собрались у расписных саней, где сутились слуги, стараясь поудобнее устроить чудом обретенного наместника. Удивительный зверь, который его привез, привлекая всеобщее внимание, топтался на опушке по соседству, поджидая хозяйку.

Аршалай, укутанный в пушистые шкуры, сидел в раскладном кресле и пил подогретое вино. Стоявший рядом Каргай смотрел на своего высокопоставленного подопечного со смешанным чувством. Он испытывал громадное облегчение оттого, что Аршалай нашелся живым и невредимым. Но – Хулово дерьмо! – не каждый день бывают такие встряски! Он вспомнил, как рычал на следопытов, подгоняя их, заставляя искать веревки и факелы. При этом сам он

вовсе не был уверен, что суеверные бьяры добром пойдут в пещеры. Придется заставлять, а то и подвигнуть собственным примером...

Но вот наконец отряд выдвинулся на помощь – и тут вдалеке послышался громкий треск и начали падать молодые сосны. Как раз в той стороне, где находились ненавистные горы! «Уж не оползень ли опять?» – в тоске подумал Каргай, готовясь уводить людей и про себя окончательно прощаясь с Аршалаем... И тут заметил, как через лес, хрустя подростом, с легкостью проламывается грязно-белый мамонт.

В тот же миг поляна наполнилась шумом, топотом, лязгом. Воины, забыв про обед, вскакивали с мест, хватались за копья и луки. Косматый исполин выломился из сосняка и замедлил шаг. Стало отчетливо видно, что на спине у него кто-то сидит. «Не стрелять! – заорал Каргай. – Там погонщик!»

Огромный зверь остановился. Дикарь в одежде из шкур соскользнул по его боку, держась за шерсть. За ним столь же ловко спустился второй – невысокий, в буром полушубке. «Шайн?!» – едва поверил собственным глазам Каргай. А в следующий миг уже орал свирепо: «Развести костер! Вина подогреть! Шубы сюда!»

И вот теперь его люди кольцом окружали спасенного Аршалаа, во все глаза уставившись на стоящего перед ними диковинного человека. Мохначей в Аратте видели очень редко. Все знали, что они почти никогда не покидают своих плоскогорий.

– Это ж баба! – раздался возглас.

По толпе пролетел шепот и смешки:

– Страшная-то...

– А воняет...

Молодая женщина была невысокой, коренастой, очень крепкой и сильной с виду, с пышными рыжеватыми волосами и крупными, резкими чертами лица. Аршалай рассматривал дикарку со смесью любопытства и отвращения, которое, впрочем, постарался скрыть. Он совершенно не помнил, как его подобрали на заснеженном склоне и привезли к Каргаю. Поистине эту встречу устроил сам господь Исварха!

– Благодарю, что спасла меня, славная девушка, – сипло произнес он. – Будь моей гостьей!

Он не думал, что дикарка его поймет, но надеялся, что той будет внятно доброе намерение. Однако мохначка поглядела на него разумным взглядом глубоко сидящих голубых глаз и медленно ответила на его языке:

– И я рада, что помогла тебе, человек с равнин. Теперь я попрошу твоей помощи в поисках.

Аршалай на миг онемел.

– В каких поисках?..

Гостья невозмутимо продолжала:

– Я ищу жреца, его зовут Хаста. Он мал ростом и худ, его длинные волосы ярче солнца...

Вы не встречали его?

– Жрец Хаста? – недоверчиво переспросил Каргай.

Мохначка склонила голову и добавила горестно:

– Мы ждали до большого снега, но мой Хаста не пришел! Тогда я сама пошла искать его.

– Хаста... Уж не тот ли рыжий жрец из столицы, что состоит при государе Аюре? – спросил Аршалай, поворачиваясь к главе ловчих.

– Он самый, Хул его задери! Этот Хаста прибыл в Бьярму осенью вместе с твоим сыном, ясноликий, и с тремя нахкини и такого наворотил...

– А, припоминаю... – Аршалай обратил взгляд на мохначку. – И зачем тебе Хаста?

– Он обещал на один год стать моим мужем, – с гордостью произнесла девушка.

Над толпой пронеслись смешки. Каргай громко расхохотался.

– У этого столичного жреца поистине изысканные вкусы, – заметил Аршалай, вызвав новый приступ хохота у ловчего.

Мохначка поглядела на бьяра и нахмурила широкие брови:

– Что ж, смейся! Хаста выше меня во всем, как звезды выше гор. Но он меня выбрал, это была его воля и его слово. Вы знаете, где он?

– Конечно знаем, – кивнул Аршалай, отпивая горячего вина. – Хаста – человек известный. Мы проводим тебя к нему. А скажи, девушка, ты прибыла сюда с гор по охотничьей тропе?

– Мы с побратимом шли по пути охотников только последние дни. Дальше дороги нет.

– А что есть? – подался вперед Аршалай.

– Воды Гибели, – мрачно ответила мохначка. – Страшные, сверкающие и прекрасные. Я видела, как ползли и падали скалы. Как водяная гора выросла, упала и затопила большую долину...

– Нам надо будет непременно поговорить о твоём путешествии! – возбужденно воскликнул наместник. – Слыхал, Каргай? Как я и предполагал, подземные льды тают по всему югу Змеиногo Языка! Слава Солнцу – мои расчеты оправдались, и мы можем возвращаться! Прикажи своим людям собираться в обратный путь. Мне срочно надо к Аюру!

Каргай, так ничего и не поняв, мрачно спросил:

– Так я больше не нужен наместнику?

– Сопроводи меня до Майхора, а дальше ты свободен, если у тебя нет иных поручений от государя.

– Конечно есть! – резко ответил ловчий. – Только не от государя, а от блюстителя престола Кирана. Я должен поехать в Яргару и подготовить их встречу с государем Аюром, где блюститель торжественно передаст ему власть над Араттой.

– Вот и займись встречей, – укутываясь в шкуры, ответил наместник. – А я отвезу к государю эту красотку. То-то жрец Хаста порадуетя...

Часть 1

Дом огня

Глава 1

Призрак в снегопаде

В тихом предзимнем лесу, затянутом паутиной, окутанном сырой дымкой, не чувствуешь никакой грани между сном и явью. Особенно на рассвете, когда свет едва брезжит сквозь туман. Голые ветви деревьев блестят от росы. Опавшая листва уже не золотится победно, а лежит мокрыми бурыми пластами, готовясь стать землей.

Тускло-серая гладь лесной реки среди сухих камышей выглядела почти неподвижной. У берега движение воды едва шевелило плавучие листья, но на стремнине быстро скользил длинный долбленный челн. Двое с веслами – на носу и на корме – следили, чтобы тяжелую лодку не развернуло и не прибило к берегу.

С кормы вдруг раздался резкий окрик. Задремавшая царица Аюна вскинула голову, и как раз вовремя – сидящий перед ней Аоранг начал клониться набок. Аюна метнулась к нему, сильно качнув лодку, выхватила падающее из рук весло. Аоранг тяжело оперся рукой на борт и принялся тереть глаза. Взгляд из мутного и пустого стал просто бесконечно уставшим.

– Правь к берегу! – послышался с кормы голос Янди. – Хватит на сегодня! Уже светлеет...

– Я еще могу грести... – начал мохнач.

– Нет, – опередив служанку, сказала царица. – Он не может.

Аюна не сводила глаз с бледного лица друга. Тот через силу улыбнулся ей, стараясь не обращать внимания на боль еще не зажившей раны.

– Тебе надо передохнуть, – негромко произнесла она.

– Ничего, я почти не устал.

– На тебе лица нет!

– Что с того? Все равно грести больше некому.

Сидевший на корме Даргаш отвернулся, чтобы никто не заметил, как исказилось его лицо. Рана его не воспалилась, и он выжил, но челюсти волколака жестоко искалечили его. Одна рука нахка была намертво примотана к телу, а другой он не мог даже ложку поднести ко рту. Расколотую ключицу сложили, однако всякое неловкое движение могло стать для него последним. Вожак тайного отряда, наводившего ужас на лесные земли, стал тем, чего больше всего опасается любой воин, – беспомощной обузой. Травница Янди и сведущий в целительстве мохнач говорили, что ключица срастется, лишь бы не тревожить ее. Но доживут ли они все до того времени?

Янди, не слушая препирательств царицы и мохнача, принялась внимательно осматривать берег, выбирая место, чтобы причалить. Аоранг не обманул ее ожиданий: даже раненый, он был неутомим и бесконечно терпелив. Но лазутчице было совершенно ясно: как ни силен мохнач, еще одной ночи похода он не выдержит.

Впрочем, пока все шло неплохо. Сбежав от воинов Станимира, они не стали сплавляться по реке, а, напротив, поднялись по ней вверх, спрятали лодку и укрылись в лесу. Пока Станимир в ярости обшаривал берега, они сидели тихо и выжидали. В какой-то миг князь лютвягов наконец догадался, что ловит ветер. Янди сама видела, как вечером к его заимке один за другим возвращались посланные в погоню челны. Той же ночью беглецы тихо проскользнули мимо пристани и двинулись по течению так быстро, как могли.

С той поры уже минуло три дня. Днем они отсыпались, а едва темнело, спускали челн на воду. Даргаш, отлично видевший в темноте, воспрянул было, наконец чувствуя себя полезным, однако скоро заметил, что «травница» справляется ничуть не хуже его, и крепко задумался... Аоранг греб за четверых, не давая стремнине прибить судно к берегу или опрокинуть его на перекатах. Чуть рассветало – лодку вновь прятали на берегу или в камышах, и мохнач валился без сил.

Заметив разрыв среди камышей, Янди немедленно переложив весло и направила челн к берегу. Вскоре нос лодки мягко уткнулся в прибрежный ил. Аоранг и Янди сразу спрыгнули в воду и поволокли челн на берег.

Вытащив суденышко наполовину из воды, Аоранг опустил на траву, тяжело дыша.

– Перевернись! – тут же склонилась над ним царица. – Опять раны открылись! Янди, дай скорее мха...

Аюна закатала повыше его рубаху, выкинула набухший от крови мох и принялась прокладывать кровотокающие раны свежим.

– Не тревожься обо мне, солнцеликая, – шептал Аоранг, – я просто полежу и встану...

– Ну-ка тихо! Не то как стукну – не погляжу, что истекаешь кровью!

Янди посмотрела на хлопчущую царицу и хмыкнула. При первой встрече Аюна и мохнач были смущены и держались скованно, однако прошло всего несколько дней, и они снова стали неразлучны. Совсем как когда-то в столице, где их вызывавшая всеобщее недоумение дружба наделала столько бед. «Аоранг почитает ее как богиню, и Аюна почитает себя как богиню – какое сердечное согласие! – посмеивалась Янди. – Если они и во дворце Ардвана так ворковали, неудивительно, что по всей столице пошли сплетни об их связи... Пригляделись бы поближе! Даргаш и тот сразу понял: беспокоиться не о чем. Нет, конечно, мохнач влюблен в царицу без памяти, но он слишком почтителен, чтобы распускать руки, а Аюна... Ей подавай героя, статного красавчика вроде подонка Станимира... Небось в глубине души жалеет, что сбежала...»

Однако тут Янди оставалось лишь гадать. Гордая Аюна ни словом, ни вздохом не выдавала печали от разлуки с князем лютвягов, который хладнокровно обменял ее на новые земли, пока она мечтала о его прекрасных синих глазах...

Даргаш сидел в лодке, скорчившись и опустив голову, стиснув зубы. Он пытался выбраться наружу сам, но не мог.

– Давай помогу, – подскочила Янди. – Обопрись о мое плечо...

С трудом вытащив Даргаша из лодки, она помогла ему добрести до сухого берега и осторожно усадила на землю. Накх молча корчился от боли. Воин привычен к страданию, для него это повод явить силу духа. А вот смотреть, как надывается его хрупкая спасительница, оказалось совершенно невыносимо.

«А ведь всего несколько дней назад я привязал ее в лесу и оставил на потраву волкам!» – подумал накх, и от этого ему стало еще горше...

Аоранг вдруг приподнялся на локтях, вытянул шею и начал принюхиваться по-звериному. Аюна поглядела на него, прислушалась, побледнела:

– Слышите?! Как вчера! Вот опять!

Из туманного леса донесся далекий, бесконечно тоскливый вой – голос то ли ветра, то ли зверя. У всех, не исключая и Янди, мурашки пробежали по коже.

– Может, это Рыкун потерялся и завывает вдалеке? – с усмешкой предположила лазутчица, прогоняя морок. – Хитрый кот страшно боится, что мы снова засунем его в лодку. Он крадется за нами по берегу, но уже второй привал, как его не слышно и не видно...

– Это не голос Рыкуна, – сказал Аоранг. – И вообще не голос живого зверя.

– А что тогда?

– Мертвецы, – глухим голосом сказал Даргаш. – Убитые нами лютвяги-оборотни. Они следуют за нами. Неужто не чувствуешь?

Аюна содрогнулась:

– Храни нас ясное Солнце!

– Конечно оно хранит, – сказал Аоранг. Его взгляд, остановившись на царевне, потеплел. – Ведь с нами его земная дочь. С тобой никакие порождения мрака не страшны нам, солнцеликая.

– Как знать, – вздохнула Аюна. – Сейчас предзимье, самое темное время. Когда Исварха редко смотрит на землю, твари из бездны смелеют, лезут наружу...

– Ты не сознаешь силы, которой наделена от рождения, – возразил Аоранг. – По твоему слову отец Исварха испепелит любого, самого страшного из злых дивов...

– Ох, опять он о богах и благодати! – вскочила Янди. – Царевна, пошли поохотимся! Аоранг, разведи костер!

Мохнач лишь усмехнулся.

– Будь так любезен, – скорчив гримасу, добавила лазутчица.

Когда девушки, взяв луки, отправились в прибрежные ивняки, Аоранг сказал, глянув на Накха:

– У Янди скверный норов, однако она много знает и умеет. И главное – она верно служит царевне. Это благодаря ей Аюну удалось вырвать из лап Станимира. Янди вовсе не простая служанка...

– Это я заметил, – буркнул Даргаш.

– И она очень хорошо знает эти земли.

– Хотелось бы понять откуда... – Накх помолчал и добавил с горечью: – Я не могу грести, не могу охотиться, не могу развести костер или разведать окрестности... Если на нас нападут, проку от меня будет, как отдохлой рыбы. Все, что я сейчас могу, – дойти до кустов по нужде. Я не могу даже сам завязать штаны!

– Вчера ты не мог и того, – успокаивающе произнес мохнач. – Ты со временем поправишься, если будешь беречь себя.

Накх скривился:

– Если все время беречь себя, зачем вообще жить?

В реке, играя, плеснула рыба. Аоранг прислушался, взял свое любимое короткое копье:

– Посторожи костер. Я пойду на рыбалку.

Даргаш, тяжело вздохнул, сел поближе к костру и забормотал себе под нос, глядя в огонь:

– Мать Ная, как ты меняешь по весне кожу, сбрасывая мертвое ради живого, так и мне дай новую силу...

* * *

Аюну разбудили холодные прикосновения, легкие, но обжигающие лицо. Царевна открыла глаза, пытаясь понять, день сейчас или вечер. Беглецы спали в наспех построенном шалаше, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сберечь тепло. Аюне было уютно дремать под боком Аоранга, но сейчас ее бросало то в жар, то в холод. «Не заболеть бы», – с тревогой подумала она, приподнимаясь. И тут поняла, что за прикосновения жалили ее кожу. В воздухе порхали снежинки.

Первый снег! Царевна вновь прикрыла глаза. Вот они с Аюром носятся по внутреннему дворику, топчя хрупкие белые кружева, устлавшие каменные плиты. Наконец-то кончились холодные затяжные дожди, пришло время праздника! Отец смотрит на них, зябко пряча руки в широкие рукава. Он улыбается...

Да, не так она представляла встречу первого снега в этом году...

Собравшись с духом, Аюна вылезла из теплого шалаша и некоторое время, моргая, вглядывалась в пляску снежинок. Не понять, скоро ли вечер? Может, пора уже в путь? Она подошла к кострищу, чтобы раздуть угли, которые почти погасли, и вдруг застыла от ощущения пристального взгляда в упор. Царевна медленно подняла голову и увидела перед собой знакомые глаза, полные ненависти. Косматый серый волк стоял по другую сторону костра и глядел на нее. За ним маячили тени других зверей. Царевна вскочила... Тени исчезли. Никого, кроме нее, у костра не было.

«Почудилось», – подумала она. Но знала – нет.

И что за волк к ней пришел, Аюна сразу поняла. Ни в ком она не встречала такой упорной и яростной ненависти к себе, кроме одного человека. Или не совсем человека.

Во рту пересохло от волнения.

– Шерех! – дрожащим голосом окликнула девушка.

Никто не отзывался, ничья тень не промелькнула в снегопаде, но ощущение присутствия только усилилось.

– Зачем преследуешь нас? Это была честная битва! Ты проиграл бой, так смирись и забудь о мести!

«Я ненавижу вас, арьев, и всех, кто вам служит, и буду убивать вас, покуда хватит сил...» – как прежде, зазвучал хриплый голос у нее в ушах.

– Ты сам напал на Аоранга! Ты убийца, а не он!

«Пустые слова, дочь Ардвана! Мой дух успокоится, лишь когда враги стоят на моем погребальном костре...»

– Уходи, во имя Солнца! – воскликнула она. – Сгинь, нежить!

– Что за крик? – Из шалаша, зевая, высунулась Янди.

Аюна выдохнула и огляделась, прислушалась. Ни призраков, ни голосов – только елки поскрипывали в лесу, да шелестел у реки мертвый тростник.

– Он ушел, – устало сказала царевна. – Но думаю, еще вернется.

Глава 2

Дом огня

Осенней порой темнело быстро. Не успел растаять выпавший снег, как речную гладь затянуло вечерним туманом, и челн с беглецами снова пустился в путь.

Ночь прошла спокойно, однако под утро, когда лодка уже скользила в густой серой мгле, движения Аоранга вдруг замедлились. Весло едва не выпало у него из рук, на рубахе вновь проступили темные пятна крови. Беглецы поспешно подгребли поближе к берегу, где течение не было таким сильным, и Аюна занялась его ранами. Пока она меняла набухший от крови мох, тихо выговаривая ему, мохнач молча сидел, положив руки на колени, и глядел застывшим взглядом куда-то поверх ее головы, точно высматривая там нечто, ему одному видимое.

– Плохо дело, – проворчала Янди, удерживая лодку на месте. – Нам всем нужен отдых в тепле. Холод и сырость легко сделают с нами то, что не смогли враги...

– Смотрите! – воскликнул вдруг Даргаш, едва удержавшись, чтобы не вскинуть руку.

На высоком правом берегу, прямо напротив лодки, стоял волк и смотрел на них в упор неподвижным взглядом чуть светящихся глаз.

– Стреляй! – вскрикнула Янди. – Вон он, не видишь, что ли?!

Аюна схватилась было за лук, но волк в тот же миг исчез, словно призрак.

– Думаю, это разведчик, – сказал Даргаш. – Один из волколаков Станимира. Я-то гадал, почему он их не послал за нами сразу? Они могли найти нас в тот же день... Но видно, их лесная богиня требует слишком большую цену за дар оборотничества, а они слишком часто обращались к ней в последние дни...

– Проклятье... Нас выследили! – с досадой проговорила Янди, выгребая на середину речки. – На правый берег больше ни ногой – они легко возьмут нас на дневке. Да и на левый лучше не соваться...

– Что там? – спросила царевна.

– Земли рода Бурмилы. Помнишь такого?

– А как же! – Аюна вспомнила враждебный взгляд пожилого вождя. – Он гостил у Станимира и таинственно погиб...

– В том-то и дело. Его люди наверняка уже вернулись домой и все рассказали. Если к ним в руки попадет «невеста Станимира», то-то они порадуются! Ну а живой нахх для всех, кто живет по эту сторону Даны, – это просто подарок судьбы...

– Стало быть, живого нахха они не получают, – усмехнулся Даргаш.

Янди не ответила ему, глубоко задумавшись. Вдруг она оживилась:

– Есть одно местечко, недалеко отсюда... Не назвала бы его укротным, скорее наоборот... Но может, сейчас это и к лучшему. – Она ухмыльнулась, будто о чем-то вспоминая. – Одно скажу – мы там точно не замерзнем!

По сторонам снова потянулись темные берега, то заросшие лесом, то потерявшиеся в плавнях. В какой-то миг ветерок принес с левого берега слабый запах дыма.

– Ни звука! Ни плеска! – шепотом предупредила Янди.

Вскоре лес по левую руку расступился, сменившись заливным лугом. За ним на косогоре спала большая деревня. Они проплыли мимо так тихо, что не обеспокоили даже ночных птиц в камышах.

– Скоро покажутся мостки. – Янди пристально вглядывалась в сумерки. – Проплывем мимо, а дальше за рощей гребни к земле. Там будет тропка.

Аоранг кивнул... и начал заваливаться на борт.

– Держи его!

Вместе они успели подхватить потерявшего сознание мохнача и положили его на дно лодки.

– Смени меня! – Янди оставила царевне рулевое весло. – Держись стрежня, я скажу, когда поворачивать. Хвала Исвархе, мы уже рядом...

* * *

Аюна и сама не поняла, как ей все же удалось привести неповоротливый челн к берегу. И как невысокая, хрупкая Янди с ним справлялась?! Наконец он проскреб днищем по дну и остановился, накренившись набок.

– Помоги, солнцеликая! – Янди повернулась к царевне. – Мне одной его не поднять...

Девушки с трудом вытащили тяжеленное тело мохнача на прибрежную траву и уселись рядом, переводя дыхание. В это время на другом берегу затрещали камыши и раздалось громкое встревоженное мяуканье.

– Гляди-ка, кто пришел! – протянула Янди. – Давно не виделись!

Рыкун высунул морду из камышей и замяукал еще громче и требовательнее.

– Что, причадили не к тому берегу? – сочувственно спросила лазутчица. – Вот огорчение-то! Похоже, сегодня одному коту предстоит немного поплавать! Или, может, останешься там и перекусаешь наших врагов? У тебя неплохо получалось!

С дальнего берега донеслось жалобное повизгивание.

– Он тревожится, не видишь, что ли? – тихо сказала Аюна. – Не понимает, почему его двуногий отец лежит без движения...

– Раз волнуется, так набрался бы храбрости и переплыл сюда! Царевна, надо решать, что делать дальше. До тайного места, о котором я говорила, отсюда не слишком далеко, но в гору. Нам вдвоем не затащить туда Аоранга. Придется оставить его здесь, пока не встанет.

– Но как же он тут один? – разволновалась царевна. – Идите, я с ним посижу...

– Если ты останешься с ним, значит все остаемся, – ответила Янди. – Да ладно, мы же не бросим его прямо здесь, на сыром песке. Оттащим в сторону, построим шалаш, укутаем потеплее...

– Нехорошо так, – покачала головой Аюна.

– Верно, плохо – а иначе как? Нам тоже нужен отдых.

Вместе они оттащили Аоранга под сень деревьев, укутали его в прихваченные на заимке теплые плащи и принялись ставить шалаш. Аюна с тревогой смотрела на друга. Что за обморок такой долгий? Но дыхание его было ровным, – похоже, он уже просто крепко спал... «Как только доберемся до убежища, о котором говорит Янди, и устроим там ночлег, я вернусь за тобой», – пообещала она ему мысленно.

Вскоре мохнача спрятали под ворохом лапника и сухих листьев так хорошо, что иной шаг мимо прошел бы и не заметил его. Рыкун на другом берегу, потеряв хозяина из виду, тоже приутих, но никуда не ушел – Янди слышала, как он возится в камышах. Потом Янди, не теряя времени, повела царевну и нашла куда-то через лес. Вскоре невидимая тропа отчетливо пошла в гору.

И вот чудно: по обеим сторонам лес стоял стеной, а тропа будто сама стелилась под ноги – ни корней, ни кочек, ни молодых деревьев. Янди и Даргаш поднимались быстро и легко, как по улице. Аюна, которая шагала вслепую, все же споткнулась, оперлась рукой о твердую землю и застыла в изумлении. «Быть того не может!» – подумала она. Никакой земли тут уже и не было – они шагали по скальному выступу, который разрезал лес и плавно уходил куда-то вверх. Но не это поразило царевну. Камень, на который она опиралась, тихо дрожал под ее рукой. Туманной осенней ночью он был сухой – и отчетливо теплый.

* * *

– Княже, я видел царевну, – с поклоном сообщил разведчик.
– Наконец-то! – воскликнул Станимир. – Сколько с ней людей?
– Всего трое. Двое мужчин и молодая женщина. Я ее узнал – это травница Векша, что ходила с твоим войском...

– Она такая же векша, как ты байбак! Но славно, что эта тварь с царевной. У нас с ней будет долгий разговор... А что за мужчины? Накхи?

– Один из них – главарь нахов, второй – северный оборотень, что убил Шереха. Оба ранены. Я следил за ними с их последней дневки. Накх совсем плох, не смог даже сам выбраться из лодки...

– Лишь бы змеиный сын дожил до костра... Его зовут Даргаш, я давно наслышан о нем. Его люди нам очень много задолжали... А что этот парень, оборотень с севера, – тоже ранен?

– Да. Гребет из последних сил... – Разведчик покачал головой. – Поглядеть на него в человеческом облике – сущий увалень! Кажется, младенца не обидит... Но зверем он был ужасен. Убить такого воина, как Шерех, одним укусом...

– Почему он с тех пор ни разу не перекинулся? – пробормотал Станимир. – Может, не хочет пугать царевну? Или не владеет собой в боевой ярости?

Разведчик пожал плечами:

– Я не мог отслеживать их долго. Духи наших мертвых братьев тоже их преследуют. Я их видел и чуял и слышал их голоса. Они подсказали мне путь, но живому рядом с ними долго находиться опасно...

– Добро, – прервал князь, – готовьтесь выступать! Завтра мы схватим их. А потом вернемся домой и устроим честную тризну!

* * *

Деревья остались внизу. По извилистой тропе беглецы поднимались на холм – точнее, на одинокую, торчащую среди леса длинную скалу. Будто подземный змей, рожденный жаром недр, высунул голову из вендских чащоб, да так и застыл... Однако огонь все еще бился под каменной кожей. Каменистая тропинка из едва теплой стала почти горячей. Когда серое небо перегородила зубчатая вершина скалы, подсвеченная пляшущими багровыми отсветами, Аюна услышала негромкий гул, от которого дрожали кости и душу начинала томить непонятная тревога. «Что-то недоброе наверху, – подумала царевна. – Зачем Янди ведет нас туда?»

– Куда мы лезем? – спросила она с подозрением.

С недавних пор все, что бы ни затевала Янди, казалось царевне очередной коварной уловкой.

– Место здесь заповедное, – не оглядываясь, бросила провожатая. – Венды говорят, тут поселились чужеземные духи...

– Откуда ты знаешь?

– Доводилось прежде ночевать, – уклончиво бросила Янди.

– Много же где тебе доводилось ночевать, – усмехнулась царевна.

– И то правда. Но ведь не всем же расти во дворце...

Аюна вздернула подбородок и хотела резко ответить. Впереди вдруг полыхнуло, путников окатило волной жара, как из печи. Даргаш и царевна застыли на месте, Янди же как ни в чем не бывало взбежала до конца тропы и проскользнула меж двух стоячих скал прямо туда, где гуляли багровые отсветы.

– Ну вот мы и пришли, – слышался ее голос. – Ишь, подрост огонек-то! Видать, хорошо кормили!

Царевна нахмурилась и последовала за телохранительницей.

Впереди, примерно в десятке шагов, меж камней полыхал столп пламени. Язык чуть выше человеческого роста извивался, будто на порывистом ветру. Но самое удивительное – Аюна не видела его источника. Огонь плясал над голой скалой, вырастая прямо из нее, словно переливающийся лепесток – то прозрачно-алый, то золотистый и слепящий, как солнце, то лиловый...

– Дом огня! – слышался позади нее голос Даргаша.

Накх добавил еще что-то по-своему и почтительно склонил голову перед пламенем.

Царевна, прикрываясь ладонью от жара, осторожно подошла ближе. Это место и впрямь напоминало дом, вернее, пещеру, которую за долгие годы пламя выжгло себе в горе. И теперь обитало, порождая в людях непонятное, однако вполне осязаемое чувство разумности.

Аюна глядела на огонь как завороченная. Нечто подобное она прежде видела в храме у святейшего Тулума, и это было высочайшее таинство нисхождения огня небесного – дар Исвархи солнечной династии. Точно как здесь, язык пламени взвивался без хвороста или угля и плясал в каменной чаше святилища. Но здесь – в лесу, в землях дикарей – пламя выросло само, без молений, без жрецов... Неужели это чудо происходит на самом деле?!

Янди стояла ближе всех к огню, протягивая к нему руки. «Молится?..» – удивилась было царевна, но сразу поняла свою ошибку. На лице Янди не было никакого почтения, она просто грелась.

– Огненные духи поселились здесь не так уж давно, лет десять назад, – сказала она. – Говорят, молния в скалу ударила... Сперва был всего один огонек, с ладонь. Начали ему требы приносить, а он и рад – вон как отъелся! Бурмиличи почитают это место и боятся его как огня... Как огня, ха-ха! Можете быть спокойны – никто не сунется сюда...

Едва проговорив эти слова, она осеклась и резко повернулась. В неглубокой нише под одним из каменных зубцов, окружавших священное пламя, слышалось хриплое кряхтение... И то, что телохранительница приняла за кучу валежника, вдруг зашевелилось и встало в полный рост.

Глава 3

Пламя на ладони

В первый миг все – и царевна, и бесстрашный накх, и даже Янди – застыли, бледнея от представшего зрелища. А кто бы не побледнел, лицом к лицу встретив дива из преисподней? Существо в драных обносках напоминало человека, но смотрело на незваных гостей жуткими бельмами. От голой макушки по лицу и шее к плечам змеились багровые шрамы. Руки напоминали обгорелые ветви, а черты лица оплыли, как воск от невыносимого жара.

– Исварха Всеблагод! – пробормотала Аюна.

– Ты кто такой? – резко спросила Янди, хватаясь за нож.

Неведомый отшельник, не подавая вида, что услышал, поднял узловатые руки, протянул их в сторону девушек, зашевелил пальцами и забормотал по-вендски:

– Две с дальней стороны... Рыбий путь...

– Что он говорит? – опешила царевна.

– Не пойму, – настороженно отозвалась Янди. – По-моему, он безумен.

– Это не дух и не упырь, – раздался позади голос накха. – Я слышу дыхание. От него тянет живой болью. Я думаю, это просто больной старик...

– А если он не безумец, а вещий? – возразила Аюна. – Этот старик ведь живет в святом месте! Я не понимаю языка вендов. Скажи ему, Янди: «Мы пришли с миром. Отогреемся и пойдем дальше. Мы хорошо накормим тебя...»

Отшельник хрипло рассмеялся неведомо чему.

– Хе-хе-хе! Старый долг!

– О чем он говорит? – Аюна наклонилась к Янди и прошептала ей на ухо: – Может, нам уйти? Не опасно ли...

– Сейчас нам везде опасно, – возразила та.

– Были у меня прежде дом и очаг, – прохрипел обгорелый безумец вполне внятно. – Теперь дома нет, а очаг есть. Грейтесь, он горит для всех... Огонь все видит, все помнит!

Костлявые руки спрятались в лохмотья. Старик попятился, наклонился, будто сворачиваясь в клубок, и вновь скрылся в своей нише.

– Да что же он там бормочет? – шепотом спросила царевна. – Не чары ли наводит?

– Вроде как приглашает остаться, – ответила Янди, хмурясь. Что-то в бормотании старика показалось ей знакомым. Не голос ли? А может, выговор? «Он не венд», – подумалось ей.

И, будто отвечая ее мыслям, раздался голос Даргаша:

– Старик, ты закон?

У Янди перехватило дыхание – то, что ее смущало, стало вдруг ясным. Из ниши, в которой скрылся отшельник, не доносилось ни звука.

– Ты закон? – Даргаш перешел на родной язык.

Отшельник лишь захохотал клокочущим безумным смехом и ответил на том же наречии:

– Тебе что до того, сын Змея? Или у тебя нет других забот? Иные замечают, как по листу прошла муха, но не видят, что прошла их жизнь!

Даргаш нахмурился – слова слуги огня смутили его. Янди тоже смолчала. У нее мороз пробежал по коже, когда из-под скалы зазвучало законское наречие. Она искренне желала больше никогда не слышать его снова.

– Лучше бы нам и впрямь уйти отсюда, – пробормотала она, касаясь руки накха.

– Куда? – угрюмо спросил Даргаш. – На землю уже лег иней, а здесь тепло. Хочешь, я убью старика, если он тебя тревожит?

– Никого не нужно убивать! – решительно вмешалась Аюна. – Чего вы испугались? Это всего лишь несчастный, безумный старец.

– Он закон, – буркнул Даргаш. – Законы никогда не уходят из своих земель. Верно, он совершил у себя дома нечто ужасное, если его изгнали...

Глаза Янди на мгновение затуманились. Она прикусила губу, разглядывая отшельника. Красные шрамы змеились по голому черепу, по щекам, шее, уходили под лохмотья. Ни волос, ни бороды, ни даже бровей. Белые глаза слепо смотрели во тьму. «Кто сотворил с ним такое? А верно, когда-то был чернобородым, черноволосым... Не может быть! Исварха и Мать Найя, неужели...»

* * *

Когда беглецы осмотрели вершину скалы и убедились, что, кроме старика, тут больше никого нет, Аюна напомнила Янди о покинутом на берегу товарище.

– Пойдем за Аорангом, мне беспокойно.

– Я одна схожу, – сказала лазутчица. – Прости, царевна, ты мне лишь помеха. Я вижу впопыхах, а ты нет. Еще ноги поломаешь...

– Но надо помочь ему подняться сюда!

– Если мохнач уже пришел в себя, он и сам поднимется. А если нет, нам его и вдвоем не притащить.

– Ладно, ступай, – неохотно согласилась Аюна. – Я займусь ночлегом.

– А я обойду святилище, погляжу, нет ли рядом чужих глаз, – сказал Даргаш.

Он дал Янди длинный нож:

– Вот, возьми. Не порежешься?

– Лес многому учит, – ответила она, подавляя предательскую усмешку.

После согретой подземным огнем горы в лесу было особенно холодно и сыро. Янди зябко передернула плечами. Да, плащ сейчас был бы весьма кстати... На траве и тонких, склонившихся к земле ветвях поблескивал иней. «Еще несколько дней – и ляжет снег, – размышляла девушка, звериной поступью пробираясь по еле заметной тропинке. – Как там Аоранг? Как ни крути, из нас четверых он сейчас – главная сила... Впрочем, что с ним станет? Конечно, крепко спит. Если так, стоит его разбудить и хотя бы вытащить лодку подальше на берег. Приткнули ее кое-как – течением не снесет, но с воды прекрасно видно...»

Вскоре деревья расступились, показался берег. Янди направилась прямо к шалашу. Аоранг тихо сопел в нем, свернувшись клубком, будто залегший на зиму медведь. Дыхание было ровным и глубоким. Янди улыбнулась. Несколько дней могучий следопыт почти не спал. Всю дорогу он являл пренебрежение к простому человеческому отдыху. И вот теперь neodолжимый сон срубил мохнача. Янди тихо окликнула его. У Аоранга даже не сбилось дыхание, но в ногах у него шевельнулось нечто темное, и во тьме блеснули желтые глаза саблезубца.

– А, ты набрался смелости и все-таки переплыл к нему, грозный котенок, – засмеялась Янди. – Может, ты не так уж бестолков!

Узнав девушку, Рыкун лишь зевнул, обнажив длинные клыки, и вновь уложил мощную голову на лапы.

Янди повернулась и направилась обратно. Рассчитывать на подмогу мохнача пока не приходилось...

«Мне нужна подмога? – поймала она себя на непривычной мысли. – Я что, боюсь этого ветхого, еле живого закона? Я могу убить его в любой миг, если пожелаю...» Нет, не старика она боится, но чего же? Прошлого? Мести богов?

Девушка тряхнула головой. Прочь, страх! Она справится, как всегда.

* * *

Когда Янди вернулась в святилище, там царила полная тишина. Лишь столп огня бесшумно плясал, отбрасывая причудливые тени и покачиваясь, как танцующая змея, каких Янди видела в святилище Найи.

«Почему так тихо? – вдруг встревожилась девушка. – Прежде пламя гудело... И ветра нет, а огонь колыхнется...»

И будто в ответ на ее мысли, возле выгоревшей в скале ямы, в которой плясал столп огня, послышалось монотонное, подвывающее пение. Янди бросило в жар – это было саконское заклинание над клинком. Много лет назад ей приходилось часто слышать подобные песни – в священной кузнице, где ее названный отец и братья творили оружие. Саконы называли себя Братьями Огня – так и переводилось название их народа. Люди говорили, они могут вить из пламени веревки и плести сети, оживлять огонь и заставлять его повиноваться своей воле.

«Неужели действительно он? Тогда он, несомненно, узнал меня... Конечно узнал, – крутилось в голове Янди. – Как может быть иначе?! Он слеп, но слышал мой голос. А огонь нашептывает ему правду, которую хотелось бы скрыть...»

Вот и отшельник: стоит перед пламенем и поет, протянув к нему руки. Стоит так близко, что любой другой уже отшатнулся бы – но не сакон...

Что он затевает? Хочет скормить ее вечному пламени? «Саконы – лишь искры Великого Огня, – припомнился ей старинный рассказ. – Они сотворены из этих искр – вылетают из горна божественного Кузнеца и гаснут...»

Рука Янди сама собой потянулась к ножу и бесшумно извлекла его из ножен...

– Давай, давай, – насмешливо, без малейшей тени страха проговорил слепец. – Убей своего названного отца!

* * *

– Каждый день возносил я моления Брату-Огню! И вот ты здесь...

– Чем ты грозишь мне? – прошипела Янди. – Уж не смертью ли?

– Не тебе ли знать, что пламя бессмертно?

Янди вложила клинок в ножны и отступила на шаг:

– Значит, я не ошиблась. Это в самом деле ты. Что ты делаешь здесь, старик? Чего ты от меня хочешь?

Отшельник опустил руки и обратил к ней слепые бельма на жуткой храмовой маске.

– За что ты погубила мой род? – заговорил он тихо. – Какое зло мы причинили тебе? Разве я не дал тебе кров и защиту, поддавшись на уговоры найин? Разве мои сыновья не были тебе верными братьями? Где они теперь? Пламя открыло мне их пути, и я пошел следом. Здесь, в этом священном месте, я узнал, что дальше идти некуда и незачем, – они мертвы...

– Нет, – ответила девушка. – Двое и впрямь сложили головы. Но я не виновата в их смерти!

– Ты сманила их на верную гибель!

– Они сами решили уйти со мной, – возразила Янди. – Я никого не приневолила!

Несколько мгновений они молчали. Потом слепец тихо произнес:

– Ты сказала, двое?

– Так и есть. Думаю, твой старший сын жив и предан Брату-Огню. Мне неизвестно, где он сейчас, – мы давно расстались. Однако я видела в северных землях один нож... Отличный саконский клинок, но выкован не в горах, и рукоять у него из лосиного рога...

Жуткая личина исказилась, будто обожженный человек пытался удержаться от слез.

– Ты говоришь правду? – прохрипел он.

– Спроси у огня! Ты сказал: все открыто вечному пламени!

Отшельник на мгновение призадумался. Потом протянул руку и бестрепетно сунул ее прямо в столп огня. Когда он извлек ее, над его ладонью плясал огненный лепесток.

– Возьми. – Он протянул его девушке. – И поклянись, что не солгала.

Янди нахмурилась. Пламя в ладони ее не удивило – видала она у саконов и не такие чудеса. Вот только принуждения она отродясь не терпела. И еще... Лазутчица рассказала старому сакону далеко не все, что ему следовало знать, а в клятвах перед лицом богов не лукавь – выйдет боком. Но и отказаться невозможно...

Янди протянула ладонь:

– Пусть пламя пожрет меня, если я вру!

Жар огненного лепестка опалил ее кожу. Янди с криком отдернула руку...

...и проснулась.

* * *

Даргаш удивленно смотрел в лицо травницы, которая вскинулась от легкого прикосновения так, будто ее ткнули ножом.

– Твое время сторожить, – проговорил он.

Янди быстро села, тряхнула головой, прогоняя остатки сна.

– Старик!.. Где старик?!

– Спит, – пожал плечами накх. – Вон он, в своей норе.

Девушка перевела дух и уставилась на ладонь. На коже не было и следа ожога.

– Все тихо? – спросила она, успокаивая дыхание.

– На той стороне реки были волки...

– Волки? – подняла бровь Янди.

– Я еще не выучил всех Станимировых оборотней по голосам! – насмешливо ответил накх. – Может, они; может, нет. В любом случае – далеко. А вот вокруг холма полно следов. И старых, и свежих. Люди тут бывают часто.

– Да, я тоже заметила... – начала Янди и осеклась, вспомнив, что ходила под гору во сне. Или не во сне? Может, она и Аورانга не проводывала? Или проклятый сакон навел на нее чары уже потом, когда она вернулась на гору?

– Наверняка деревенские наследили, – зевнула она. – Надеюсь, они сюда не каждый день с требами ходят...

– Если что, сразу буди меня.

Даргаш улетел поближе к огню, завернулся в плащ, закрыл глаза и почти сразу заснул. Янди, склонив голову, смотрела на него – полностью перед ней беззащитного. Жесткое лицо воина, казалось, сбросило привычную маску прирожденного убийцы. Сейчас он был обычным молодым парнем, страдающим от раны и очень уставшим.

Аюна давно спала крепким сном – она всегда сторожила на рассвете. В святилище вновь стало тихо, но на этот раз пламя тихо гудело, рождаясь где-то глубоко под горой...

«Неужто приснилось? – все думала Янди, чувствуя, как растет в ней холодная, лютая ярость. С ней такое редко бывало – она гордилась своим самообладанием. – Нет, это был не сон! Слепец околдовал меня, вынудил поклясться пламенем! Да кем бы он ни был – как посмел?!»

Она встала и крадучись направилась к нише, в которой спал – или притворялся спящим – отшельник. Пусть тут дом огня – Янди не позволит себя дурачить!

Однако она не сделала и двух шагов, как накх вдруг открыл глаза и вытащил из-за наруча метательный нож.

– Сюда идут люди, – сообщил он. – Много. Слышишь топот?

Взгляд Янди метнулся в стороны, но вокруг было тихо, лишь пламя бросало отсветы на темные скалы.

– Помоги мне встать! – потребовал Даргаш. – Надо разбудить царевну Аюну – ее лук и стрелы нам скоро понадобятся...

Янди метнулась к двум стоячим скалам – выходу из святилища – и осторожно выглянула наружу. Так и есть! Внизу, среди деревьев, мелькали огни, множество огней!

Позади прошуршали по камню легкие шаги, и послышался встревоженный голос Аюны:

– Где Аоранг?

Глава 4

Волчата

Две легкие лодки-берестянки скользили по течению, смутно светлея в темноте. Молодые лютвяги гребли споро и почти беззвучно, греясь движением. Тот, что сидел на носу в передней лодке, цепким взглядом окидывал берега. Непроглядная ночная темень ничуть не смущала его. В дружине Станимира таких звали сумеречниками – тех, кто видел впотьмах так же хорошо, как средь бела дня, даже и в человеческом обличье. Этот юноша, впрочем, еще не удостоился чести войти в княжью дружину, как и его сотоварищи. Самому старшему было не больше четырнадцати лет – уже не отроки, еще не воины. Безбородые лица горели предвкушением битвы. Вождь и отец Станимир подарил им великую возможность испытать себя в настоящем бою. Все были готовы погибнуть со славой, но собирались победить, и никак иначе. Нынче ночью они прольют кровь врагов и станут мужчинами. Одни потом будут простыми ратниками, кого-то князь возьмет в дружину. А двое – если заслужат благосклонность Медейны и не побоятся подземного пламени – смогут уже сегодня обрести дар оборотничества.

– Они укрылись на огненной горе, – тихо говорил товарищам сумеречник Вуйко, не забывая обшаривать взглядом камыши. – Никому не трогать жреца, что там живет, – он мой! Я убью его, и мы с Улаем поделим его сердце...

– Нет уж, я его убью, – долетело с головной лодки. – И вот тогда мы поделим его сердце! Поджарим его на проклятом огне да и съедим...

– А про северного оборотня не забыли? – напомнил один из гребцов. – Князь сказал, он в человеческом облике безобиден. Прибьем, пока не перекинулся, или сперва поглядим, что за зверь? Говорят, у него передние лапы больше задних...

– Чужеземным оборотнем займемся мы с Вуйко, – отозвался сумеречник Улай с первой лодки. – Ваше дело, волчата, – раненый нах и женщины. Глядите, чтобы змеиный сын остался жив! Князь сказал – за живого будет большая награда! Царевну суньте в мешок, но бережно, чтобы ни волосок не помялся! При ней красотка-служанка – князь предупредил, что она хитра и коварна, держите ухо востро...

– Уж со служанкой-то мы как-нибудь сладим, – захихикали гребцы.

Проплыла слева темная, спящая деревня, вновь потянулись заросли. Теперь сумеречник осматривал берег особенно внимательно. Когда разведчики лютвягов, ведомые мстительными духами павших оборотней, нашли место прошлой стоянки беглецов, мудрый князь Станимир сразу понял, куда те направлялись. Он так подробно описал волчатам путь до огненной горы, будто сам там бывал. Этой ночью лютвяги должны были настигнуть царевну и ее свиту.

И вот – наконец-то! – среди унылых, облетевших прибрежных кустов мелькнуло длинное тулово лодки. Та, едва вытащенная на берег, четко виднелась меж голых ветвей.

– Вот они! – тихо проговорил сумеречник, поворачиваясь к гребцу. – Правь к берегу!

Вскоре первая легкая берестянка ткнулась в сырой песок. Рядом с долбленным челном беглецов она казалась почти детской игрушкой, однако при слабой волне обогнала бы его, как стоячий. Улай ухватился за борт челна и легко перепрыгнул в него.

– Весла оставили. А вон копьё лежит... Совсем, видать, из сил выбились!

Тем временем пристала вторая лодка. Вуйко тут же принялся искать следы.

– Ну натоптали! – бормотал он, рассматривая примятую траву. – Девки глупые да раненый – что с них взять...

– Они рядом, – добавил старший сумеречник. – Я чую их запах...

Он повел носом. Что-то тревожило его. Уж не остался ли кто в засаде?

Гребцы тем временем вынесли легкие лодочки на песок.

– Спихни челны в воду, – приказал одному из гребцов Вуйко. – На всякий случай...

В этот миг серая тень поднялась из тростников, и прямо перед сумеречниками возникла клыкастая морда. Саблезубец вздыбился, оскалил громадные клыки и издал низкий мяукающий вой.

Улай и Вуйко одновременно выхватили мечи и завyli по-волчьи. Их боевой клич тут же подхватили товарищи. Рыкун зашипел, шарахнулся в сторону и огромными прыжками унесся в лес.

– Видели, видели?! Чужак оборотился!

– На огненную гору побежал!

– За ним! – закричал Улай.

Молодые лютвяги кинулись за удирающим зверем. На берегу снова стало тихо.

Лишь тогда из шалаша донесся шорох и наружу вылез Аоранг. Волчий вой, выкрики на языке лютвягов, злобное мяуканье Рыкуна пробудили его от мертвого сна, которым он проспал бы день и ночь, если б ему только дали. Что произошло? Где царевна, где Янди и нахх? Следов борьбы не видно... Мохнач еще не вполне пришел в себя. Последнее, что мог вспомнить, – как греб, еле держась, чтобы не потерять сознание, и, видимо, все же потерял его...

Аоранг снова огляделся – вокруг никого. Но вот их челн вытасчен на берег, и кто-то построил шалаш... А рядом на траве – две чужие лодки-берестянки.

Тревога за Аюну сжала сердце мохнача. Он достал со дна долбленки свое любимое короткое копье, прислушался, окинул взглядом берег и пошел по следам чужаков.

* * *

Аюна всматривалась в предрассветные сумерки. В серой мгле уже довольно ясно проступали деревья у подножия скалистого холма. Темный лес вспыхивал огнями факелов, которые, будто болотные светляки, приближались, кольцом окружая огненное святилище. Судя по всему, к ним решили наведаться бурмиличи из ближайшей деревни. Из леса слышались голоса – гости особенно не скрывались. Насколько могла понять царевна, кто-то призывал убить всех прячущихся на холме. Мороз пробежал по спине и рукам девушки. Никогда прежде Аюне не приходилось участвовать в настоящем бою.

Янди помогала хозяйке зашнуровать доспех. Царевна старалась подавить дрожь, чтобы не показать телохранительнице, насколько ей страшно. Аюне вдруг вспомнилась та давняя лесная дорога, на которой ее свадебный поезд угодил в засаду лютвягов. Тогда царевна уже пыталась выстрелить в человека, но у нее сразу выбили лук – и, признаться, в тот миг она испытала облегчение... Потом Аюне припомнились служанки в руках воинов Шереха. Она уже видела, что делают с пленницами, когда битва закончена. Царевну передернуло. Нет, ей, конечно, не грозит подобная участь! Даже дикие венды понимают, чья она дочь...

– Надо будет стрелять, – сказала Янди, почувствовав ее дрожь. – Сейчас от тебя толку больше, чем от нас всех...

Аюна невольно оглянулась, разыскивая взглядом Даргаша, но тот, как назло, куда-то исчез.

– Я никогда не убивала людей, – тихо призналась девушка.

– Но ведь ты охотилась, солнцеликая?

– Да, но...

– Поверь, все то же самое. Кроме того, зайцы и косули не делали тебе ничего плохого.

А эти, едва сюда залезут...

– Я знаю, – хрипло перебила царевна. – Давай лук и колчан.

«Я буду бить метко, – думала она, натягивая тетиву. – Моя рука тверда, глаз верен, лук силен и испытан. Мои стрелы – как солнечные лучи, что разят порождений ночи. Я – царская дочь, защитница подданных. Я не дам врагам добраться до нас!»

Голоса и огни приблизились, меж деревьями замелькали тени. С замиранием сердца Аюна вскинула лук и наложила стрелу на тетиву.

– Не торопись... – начала было Янди, но тут же замолчала.

Перед ней больше не было нежной царевны, рожденной, чтобы радовать небеса и землю своей красотой. За расколотым стоячим камнем застыла наготове смертоносная лучница – кровь от крови прирожденных воинов.

Толпа вендов, вооруженная охотничьими копьями, вилами-рогулями и топорами, заводя себя воинственными криками, вывалила из леса и хлынула вверх по склону холма. Впереди, размахивая бронзовым арьяльским мечом, карабкался рослый бородач в кожаном доспехе и захваченном некогда шлеме.

– Окружайте холм! – Вожак вскинул руку, призывая за собой сородичей. – Их там всего четверо! Берите живыми!

Янди услышала, как коротко щелкнула тетива, затем сразу же еще раз. Две стрелы в единый миг вонзились в поднятую руку вожака – одна в запястье, другая ближе к локтю. Бородач взвыл и согнулся, обронив меч. Внезапно стоявший рядом с вожаком воин рухнул ничком. От глаз Янди не укрылось то, что она и предполагала увидеть, – торчащую из основания черепа рукоять метательного ножа. «Вот и калека наш на что-то сгодился», – одобрительно подумала она.

Бурмиличи, догадавшись, что кто-то убивает их из засады, отхлынули под защиту деревьев, унося с собой раненого вожака и убитого воина.

Едва укрывшись в лесу, венды тут же схватились за луки. В камень, за которым стояла Аюна, ударило несколько стрел.

И тут же послышался крик раненого главаря:

– Не смей! Они нужны живыми!

Стрельба прекратилась. Аюна опустила лук и перевела дыхание. Янди незаметно улыбнулась. Вот эта жизнь была по ней!

За ее спиной скользнула тень, пригнулась, небрежно пропуская пару свистнувших ей вслед стрел, и тут же ушла под защиту камней.

– Даргаш! – воскликнула Аюна. – Ты цел?

Смуглое лицо накха в предрассветной мгле казалось серым.

– Со мной все хорошо, – процедил он. – Там внизу шесть рук вендов и еще трое. Двоих я оставил лежать. Сейчас лесовики обложат холм и притащат щиты-плетенки. Перед рассветом полезут вновь. Я слышал их разговоры: это люди из рода медведей. Они знают о тебе, царевна. Они радуются, что ты здесь...

– Да, это точно люди Бурмилы! – воскликнула Аюна. – Но как они узнали о нас?

– Пока не поздно, надо отсюда выбираться, – продолжал накх. – Возможно, венды еще не нашли челн... А насчет того, как они узнали, что мы здесь, – спроси его!

Он обвиняюще указал на старого сакона. Тот сидел у порога своей пещерки, невозмутимо прислушиваясь к беседе.

– Давайте я подожгу старого ублюдка и спихну вниз! Пока они будут с ним возиться, у нас будет время уйти...

– Нет! – отрезала Янди, заступив ему путь.

Черные глаза Даргаша полыхнули.

– Это он выдал нас! Венды следили за нами с самой реки... Слепая тварь наверняка послала вестника в деревню...

Накх вытащил нож и обернулся к старику. В тот же миг клинок вылетел из его руки и птицей перепорхнул в руку Янди. Граненое навершие рукояти ударило воина по запястью, острое уперлось в кадык.

– Ты его не тронешь!

– Ты что, заодно с ним?! – зашипел накх. – Ты привела нас сюда на гибель, хитрая вендка?
– Ты не тронешь старика, – угрожающе повторила Янди, не опуская ножа. – Он нам нужен! Он вытащит нас отсюда, если дело пойдет совсем плохо. Или, может, тебе больше нравится слохнуть, подвешенным за косу?

Они буравили друг друга взглядами, и ни один не желал первым отвести глаза. Старый закон, все так же спокойно сидевший у своей пещеры, презрительно улыбнулся.

– Смотрите, смотрите! – Голос Аюны был полон изумления. – Они убегают!

Внизу, у опушки, творилось что-то странное. Из леса неслись вопли ужаса. Бурмиличи разбегались во все стороны, словно забыв о том, что совсем недавно в них стреляли с холма. Огни факелов гасли один за другим или металась среди деревьев, удаляясь в темноту. Вскоре у края леса стало темно и тихо. Затем послышался скрип каменистой почвы под тяжелыми шагами. Аюна вновь подняла лук.

– Это я! – раздался снизу знакомый голос Аоранга. – Все живы?

– Ты цел! – Аюна радостно бросилась к мохначу и порывисто обняла его.

Янди внезапно тоже почувствовала удививший ее саму приступ нежности к могучему недотепе. Накх лишь брезгливо поморщился, глядя, как невеста его государя обнимается с полудиким телохранителем.

– Что там творится под горой? – спросила Янди, втаскивая обоих под защиту скал. – Почему сбежали венды? Это ты навел на них такого страха?

– Не я – Рыкун, – с улыбкой сказал мохнач. – Кот ворвался сзади прямо в толпу, раскидал вендов и понесся дальше... Кто-то сильно напугал его у реки... Рыкун! – прокричал Аоранг, повернувшись в темноту. Ответа не последовало. – Ничего, успокоится – прибежит...

– И кто ж его так напугал? – пробормотала Янди.

– Не знаю. Но на песке рядом с нашей лежат две чужие лодки.

– Проклятье! – прошипела лазутчица. – Должно быть, это люди Станимира... Обратной нам еще не хватало!

И вдруг осеклась, чувствуя, как ее охватывает необъяснимая тревога...

* * *

Если бы кто-то из беглецов следил за пламенем, то давно уже заметил бы, как огненный столп замигал, задергался в воздухе и, кажется, даже чуть приугас. Здешний огонь так же не любил обратной, как и они его.

Что-то коротко свистнуло в воздухе, раздался глухой звук удара. Небольшой камень отскочил к скале и покатился по склону, а Даргаш, не издав ни звука, рухнул на землю. Янди подхватила его, одновременно им прикрываясь.

«Проклятье, да они уже здесь!»

Аюна даже не заметила, что накх упал, – ее внимание привлекло движение у края тропы. Кто-то крался в их сторону по границе света и тени. Незнакомец двигался очень быстро и плавно, как призрак. Аюна даже не была уверена, что видит его все время, – он порою будто исчезал.

Опомнившись, царевна вскинула лук и выстрелила, однако ночной гость без особых усилий уклонился от стрелы и вдруг возник прямо перед Аюной. Глаза его будто светились в темноте, а пламя огненного столпа заставило их вспыхнуть вдвое ярче. На мальчишеском лице застыл жутковатый оскал. Юный воин вышиб лук у царевны и отбросил ее в сторону – она отлетела как пушинка, не успев наложить новую стрелу на тетиву, хотя враг ростом был едва ей по плечо.

Вслед за ним внутрь святилища влетели два подростка. Они кинулись на неподвижного накха и прижали его к земле.

– Улай, мы его держим!

– Это я, я его камнем!

– Вяжите! – бросил Улай, осторожно огибая пляшущее пламя. – Эй, потише, задавите!

Все происходило очень быстро. Аоранг едва успел поднять копье, как за спиной кто-то приказал по-вендски:

– Не двигайся!

В затылок мохначу клинком впился взгляд. Аоранг все же обернулся – за его спиной светились глаза Вуйко. Сумеречник устроился на одном из стоячих валунов и беззвучно усмехался, держа в руках самострел.

– Плохо змее без зубов! – заметил он, косясь на неподвижного накха. – А служанка где? Князь сказал, беглецов четверо.

– Где-то спряталась, – отозвался лютвяг, вязавший Даргаша. – Сейчас поищем.

– А слепой жрец?

– Вон он, в норе. Даже не убегает – совсем ошалел от страха... Ну и страшилище, вы только посмотрите!

– Ладно, старик подождет. Сердце, так уж и быть, разделим на четверых. А пока...

Взгляды волчат скрестились на мохначе.

– Оборотень, – позвал его Улай, – что ж ты не превращаешься?

– Мы убьем тебя и в этом облике, – подхватил Вуйко. – Но если дашь нам свою шкуру, князю в подарок, – убьем быстро...

Аоранг стоял молча, лишь взгляд метался по сторонам. Не зная языка вендов, он не понимал, чего добивались юнцы, но не думал об этом. В самом деле, где же Янди?

– Он даже не пытается перекинуться. Похоже, уже растратил все силы, пугая лесовиков, – разочарованно протянул Вуйко. – Много ли чести в таком убийстве?

– Давай, чужак! Соберись! Подари нам шкуру зубастого кота!

Один из подростков, увлеченно следивший за братьями, вдруг охнул и упал ничком. В его глазах застыло недоумение. В тот же миг из сумрака позади Улая возникла Янди и одним движением перерезала юноше горло. Вуйко тут же выстрелил в нее, но его стрела лишь чиркнула по камню. А в следующее мгновение он и сам свалился с валуна со стрелой, вылетевшей из мрака. Янди, перескочив через тело Улая, бросилась к последнему оставшемуся в живых лютвягу. Тот еще не осознал, что происходит, и пытался поднять упавшего товарища, но удар ножом прекратил его старания.

Янди выпрямилась, стряхнула кровь с клинка и обернулась. Бледная Аюна стояла у края тропы с луком в руках.

– Отличный выстрел, – похвалила телохранительница, с удовольствием оглядывая побоище.

Вправду лютвяги! Ох, хитрец Станимир! Послал мальчишек, не витязей, чтобы потом иметь возможность поклясться перед богами: нога его воинов не ступала на земли Бурмилы...

– Мой брат им почти ровесник, – пробормотала Аюна, рассмотрев наконец убитых подростков.

– Ха! Моя мать убивала лютвягов и помоложе. Твой брат – почти царь. А эти – уже почти воины. Не повезло им, ну что ж, бывает. Погибнуть в бою – не худшая участь.

«Вот только в небесную гридницу на воинский пир их вряд ли пустят», – хмыкнула она про себя.

Янди испытывала заслуженную гордость. Всего несколько ударов сердца – и четверо юнцов, уже праздновавших победу, отправились к предкам. Янди легко справилась бы и одна – мальчишки были слишком самоуверенны и самую опасную противницу посчитали безобидной служанкой. Впрочем, царевна оказалась даже полезной; мохнач хотя бы не мешал; но вот накх...

– Зачем полез в бой? – напустилась она на раненого. – Жить надоело? Я бы все сделала сама!

Даргаш ничего не ответил – он корчился от боли, раздиравшей плечо и грудь.

– Покажи, куда попал камень. Ого, какая шишка! Впрочем, таким броском из крепкого воина дух не выбить. Да, рановато Станимир выпустил своих волчат на охоту...

Ее перебил Аоранг:

– Я слышу внизу голоса. Похоже, венды возвращаются.

Глава 5

Слово огня

Бурмиличи и самом деле возвращались – с подмогой, решительные и злые. Когда неведомый зверь возник позади них из ночной тьмы, люди побежали прочь, не разбирая дороги. Но, опомнившись, устыдились своего страха. Они горели боевой яростью и были полны желания выбить чужаков из огненного святилища, раз уж боги не торопятся сами это сделать.

– Надо уходить! – быстро сказала Аюна. – Немедленно!

– Как? – скривилась Янди. – Тропа занята. С другой стороны круча – шею свернуть. Да и там венды, поди, внизу ждут... – Быстро перебирая в уме пути к спасению, она повернулась к мохначу. – Где бегает Рыкун? Может, кликнешь его и он еще раз их пугнет?

Аоранг покачал головой:

– Я звал – не откликается; наверно, огня боится. Думаю, он у берега...

– Где нас наверняка поджидают лютвяги, – пробормотала Янди. – По реке-то они нас и выследили!

– Их нам нечего бояться, – заметила Аюна.

– Надеешься, тебя спасет Станимир? – съязвила лазутчица.

– Нет, – холодно ответила царевна. – Станимир как-то обмолвился, что род Бурмилы сильнее и воинов в нем больше. Если повелитель лютвягов вздумает напасть на здешних обитателей в их собственной земле, завтра он перестанет быть общим военным вождем. В засаде у лодок Станимир не сидит и на бурмиличей войной не пойдет.

– Я бы на это не рассчитывала. Ты ему очень нужна, солнцеликая, – больше, чем союз с Бурмиллой. Да и не стал бы он вождем, когда бы шел на попятную!

– Значит, будем воевать, – отозвалась Аюна.

С той стороны, где лежал накх, послышался шорох и сдержанный стон. Даргаш пытался приподняться, хотя от удара по голове его мутило, а плечо отзывалось так, что больно было даже дышать.

– Пробивайтесь с солнцеликой к берегу, – проговорил он, устремив на Янди взгляд, полный печали. – Я сумею отвлечь их. Умоляю, пообещай спасти ее. Не лезь волку в зубы...

– О чем он? – спросила Аюна.

– Я все равно не смогу спуститься по крутому склону, – продолжал Даргаш. – Но пока я здесь, враги сюда не поднимутся. Это даст вам немного времени...

Янди чуть подумала и кивнула:

– Может, ты и прав.

– Хорошо. Ступайте.

– А ты? – удивился Аоранг.

– А я останусь здесь, – вскинул голову накх. – Об одном прошу, солнцеликая, – он обернулся к Аюне, – расскажи потом саарсану, как я погиб на этой круче...

– Вот еще, – нахмурилась Аюна. – Даже не думай! Мы уйдем все или не уйдем вовсе.

– Второе куда вероятнее, – ввернула Янди. – Соглашайся, царевна. Накх погибнет со славой, а мы попробуем проскользнуть к лодке.

– Ну нет! Здесь святое место. Божественное пламя поможет нам...

– А ведь и правда, – встрепелась Янди.

Она обежала огненный столп и склонилась к сидящему слепцу.

– Помоги нам выбраться! – требовательно сказала она по-саконски. – Ты умеешь приказывать пламени, я знаю. Повели ему сжечь наших врагов и расчистить нам путь!

– С чего бы? – ядовито усмехнулся тот.

– Если сейчас те, кто прячется там под холмом, получают наши головы – ты никогда не узнаешь, где твой старший сын. И твой внук!

Сакон, только что равнодушно глядевший в пламя слепыми глазами, резко повернулся к девушке:

– У меня есть внук?!

– Мне ли о том не знать, – ухмыльнулась Янди. – Да, у тебя есть внук. Сильный, здоровый, черноволосый. Похожий на сакона, как первый сотворенный из искры сакон...

– Где он? – прохрипел старик.

– Прячется на севере вместе с отцом. Я тоже давно их ищу. И найду... – добавила она недобро.

Сакон надолго замолчал, будто прислушиваясь к голосам в пламени, внятным только ему. Янди ждала с нетерпением. Ее беспокоили куда более реальные голоса вендов, что доносились снизу и звучали все ближе и ближе.

– Когда найдешь Тхери, – наконец произнес он, – передай ему мою волю. Пусть они с моим внуком возвращаются домой.

– Передам...

– И поклянись святым огнем, что не убьешь их.

– Ты считаешь, я способна убить собственного сына? – удивилась Янди.

– Ты способна и не на такое. Но я говорю о его отце.

Янди прищурилась:

– Он обидел меня!

– Клянись, или вы все здесь умрете, – жестко ответил слепец. – А мне давно уже все равно, жив я или нет.

Янди закусила губы от досады. Однако деваться было некуда. Она повернулась к огню и протянула руку:

– Клянусь дыханием прародителя, раздувающего пламень в кузнечном горне! Клянусь искрой первозданного пламени, дарящей мне жизнь! Я найду твоего старшего сына, передам ему твою волю и не причиню ему вреда...

Огонь, до того вздымавшийся ровным столбом, вздрогнул, будто услышал ее клятву, и гудящим вихрем взвился в угрюмое небо. Аюна и Аоранг с трепетом и почтением наблюдали, как боги говорят свое слово.

– Твоя клятва услышана, – кивнул старый сакон. И указал в ту сторону, где между скал росло молодое дерево. – Ступайте туда. Там тропа. Скверная, но до берега доведет.

– А бурмиличи?

– Скоро им будет не до вас... Пойдете дальше по реке – следите за правым берегом. Ниже по течению будет пережат, а дальше протока. Узкая – если высокий мужчина руки разведет, от берега до берега достанет. Протока вьется, словно змея, понемногу расширяясь, пока не впадет в реку Дану. Там думайте, что делать. Сунетесь на дальний берег – могут и молниями, как меня, разукрасить. Но если примут – вендов вам больше бояться нечего...

– Ты о чем это? – нахмурилась Янди. – Молниями? Как тебя?

– Поторопитесь, – через силу пробормотал сакон. Протянул руки к огню и сгорбился, будто на него вдруг навалилась огромная тяжесть.

Еле ощутимая нутряная дрожь земли, которая не давала людям покоя, внезапно резко усилилась. Казалось, земля проснулась и ворочается, потягиваясь.

– Бегите! – воскликнул вдруг Аоранг, хватая царевну и толкая ее в сторону тропинки в скалах.

Янди со всех ног кинулась за ней. Рвущийся из-под земли ужас подгонял ее, словно плетью. Камни шевелились под ногами, снизу накатывали волны жара. Спихнув замешкавшуюся Аюну в заросли, густо укрывавшие склон, Янди на миг обернулась. То, что она увидела, навсе-

гда отпечталось в ее памяти. Вся поверхность святилища вокруг чаши с огнем вдруг вогнулась, покрылась паутиной пылающих трещин и провалилась внутрь горы. Старого сакона мгновенно окутало взвившееся пламя – и так, полыхая, он низвергся в огненную бездну.

«Матерь Найя!» – сорвалось с губ лазутчицы, и она бросилась со склона вслед за царевной. Внизу оказался колючий малинник, но Янди даже не заметила этого. Гора дрожала, не давая встать на ноги, рядом барахталась царевна. Янди, кое-как поднявшись, схватила ее за руку и потащила за собой, подальше от исполинского факела, бьющего в серое небо.

– Аоранг! – закричала вдруг Аюна, вырываясь. – Там Аоранг!

На краю неба, подсвеченный потоком пламени, вырос черный силуэт мохнача. Держа на руках нахка и крепко прижимая его к груди, Аоранг спрыгнул со скалы вслед за девушками. Темноты вокруг уже не было – все озаряло подземное пламя. Скала в последний раз содрогнулась и с глухим грохотом начала разрушаться. Беглецы этого уже не видели. Больше не оглядываясь, продираясь сквозь кусты, даже не вспоминая о возможной встрече с вендами, они бежали через лес к берегу.

* * *

Станимир стоял на высоком берегу лесной речки и задумчиво наблюдал, как вдалеке все выше поднимается слепящее пламя – будто великаны разожгли невероятный костер.

Князь вендов знал это место. Он вообще много знал о соседских землях, об их богах, реках, тайных тропах, семейных распрях... Станимир даже когда-то бывал на священной горе и своими глазами видел первые ростки огня, пробивавшиеся среди голых скал. За прошедшие годы огненные побеги явно подросли...

Князь был почти уверен, что беглая царевна Аюна непременно попадет в это святилище. Огонь призовет ее – потому что она ему родная, а родню положено защищать.

Получится ли добыть ее оттуда, из дома огня, с вражеской земли?

– Княже, зачем ты послал юнцов? – с тревогой спросил стоявший рядом Илень, которого владыка лютвягов пока оставил при себе. – Почему не отправил опытных воинов? Уже скоро рассвет, а их и след простыл...

Станимир с досадой покосился на дривского воеводу. Илень – надежный друг и отважный воин. Но до чего же князю не хватало Власко! Тому не нужно было разъяснять каждый шаг...

– Пошли на подмогу дружину, пока не поздно, – не унимался Илень. – Пусть разнесут это логово подземных дивов! Притащат тебе и царевну, и ее свиту... А если под ноги ползут местные людюшки...

Князь качнул головой.

«То-то и оно. Они там все разнесут – а мне потом рядиться и с людьми Бурмилы, и со здешними богами...»

– Младшие заслужили священное право...

Далекий огонь на вершине горы среди туманных лесов вдруг вспыхнул косматой звездой. Ветер донес отзвук тяжелого грохота, под ногами дрогнула земля. В небо потянулся дымный хвост.

– Княже! – снова воззвал к нему Илень, в ужасе глядя на полыхающую звезду. – Как же это? Пошли воинов...

– Только схватки с людьми Бурмилы мне сейчас не хватало, – сквозь зубы проговорил князь лютвягов. – Волчата или приняли смерть славных, или победили и возвращаются. Мы подождем их здесь до света. Если не вернутся – уйдем.

Станимир еще раз поглядел на полыхавший среди бескрайнего леса костер, и тот отчетливо показался ему погребальным...

* * *

Аоранг с накхом на руках, царица и необычно молчаливая Янди спустились с холма к берегу. Тут ничего не изменилось – берестяные лодки разведчиков лежали там, где их и оставили, челн тоже был на месте.

– Пустите лодки волчат по течению, – прошептал Даргаш, едва мохнач уложил его на дно долбленки.

– Следопыты все равно найдут это место, – буркнул мохнач.

– Берег длинный – поди угадай. Пусть воины Станимира поищут...

Вскоре легкие берестянки уже уплывали по течению, скрываясь в утреннем тумане. Аоранг спихнул челн в воду, Аюна и Янди поспешно забрались внутрь, и беглецы вновь пустились в путь.

– Главное – не пропустить протоку, – бормотала Янди, держа рулевое весло.

Им повезло: когда серые клочья тумана почти растаяли, в стене камышей справа появился узкий, шириной с древко копья, разрыв.

– Вон она, вот! – обрадовалась Аюна.

Аоранг налег на короткое весло, ставя лопасть поперек течения. Челн, удерживаемый почти на месте, начало разворачивать. Янди помогала рулевым веслом, пытаясь удержать тяжелую лодку.

– Есть! – тихо воскликнул Аоранг. – Давай загребай...

Еще немного – и лодка вошла в камыши. Поначалу и впрямь узкая, вившаяся между свисавших над водой голых ивовых кустов, дальше протока заметно расширялась. В какой-то миг мохнач почувствовал, что их челн, медленно шедший по темной воде, будто бы скользнул вниз с подводного уступа и его подхватило неведомое откуда взявшееся течение.

– Куда мы сейчас плывем? – спросила царица, когда лесная река осталась далеко позади и беглецы перевели дух. – Старик объяснил вам путь?

– Все лесные реки и речушки земли вендов рано или поздно впадают в Дану, – ответила Янди. – Как выйдем к ней, переправимся на другой берег. Не очень-то мне этого хочется, но другого выхода не вижу. Насколько я знаю Станимира, он не отвяжется...

– Перебраться через Дану – правильное дело, – тихо отозвался Даргаш.

Накх понемногу приходил в себя. Хотя мохнач спас его, Даргаш, измученный постоянной жестокой болью, не чувствовал к нему никакой благодарности. Гибель в бою казалась ему облегчением. Однако накх остался жив, и поручение, данное ему саарсаном, не было завершено.

– Люди, что живут на южном берегу Даны, не враждебны моему народу. А с саконами, – Даргаш, не удержавшись, кинул косой взгляд на Янди, – они и вовсе торгуют. Переправимся, бросим челн – против течения нам не выгребсти. Дальше пойдем вдоль берега. Оттуда уже близко и до Накхарана...

– Ты ведь говоришь о земле Великой Матери? – уточнила Янди. – Стране колдунов, властных над вихрями и грозами? Я слыхала о ней. Туда заказан путь всем чужакам. И старик говорил про молнии...

– Что за земля Великой Матери? – с любопытством спросила Аюна.

В былые времена дядя Тулум часто рассказывал ей о сопредельных землях и их диковинных обычаях, но об этом крае она ничего не могла припомнить...

– Ее называют еще землей колдунов, – выговорил Даргаш. – Говорят, там правят женщины. Чужаков там не терпят. Но уж лучше колдуны, чем оборотни Станимира!

– Неужто они откажутся помочь дочери Исвархи? – вслух подумала царица.

– Не откажутся, солнцеликая, – раздался вдруг голос Аоранга. – В этой земле превыше всего почитают богиню Дану, мать живущих. Но уважают они и Исварху, ее небесного супруга. Правда, мне припоминается еще и Господин Туча... Должно быть, у Великой Матери много мужей...

– А ты откуда знаешь? – развернулась к нему царица. – Ты там бывал?

– Нет. Однако не так давно в столице гостил чародей Ашва, один из тамошних главных жрецов. Святейший Тулум вел с ним переговоры о помощи и защите от вендов – в обмен за право поселить в их степях переселенцев из Бьярмы... Святейший Тулум рассказал мне это, – пояснил мохнач в ответ на изумленные взгляды Даргаша и Аюны. – Если бы переговоры оказались успешны, я бы еще летом отправился в те края с Ашвой, чтобы осмотреть и выбрать земли для бьяров. Но потом в столице случился мятеж... – Аоранг глянул на царицу и со вздохом добавил: – И все пошло совсем не так, как хотелось...

Лежа на дне лодки, Даргаш из-под полуприкрытых век пристально глядел на косматого мохнача. Мать Найя, что за диковинная свита у царицы! Даже полузверь с далекого севера оказался совсем не прост. Итак, Аоранг годен не только для гребли и переноски тяжестей... Впрочем, – он бросил взгляд на подозрительно притихшую у кормового весла Янди – после того, что произошло на огненном холме, он уже ничему не удивлялся. А вот разобраться бы стоило...

Аоранг молча греб, погружившись в свои мысли. Воспоминания о прежней жизни вдруг заставили его задуматься о нынешней. «Кто я, зачем живу? – вновь нахлынули на него давние сомнения. – Господь беседовал со мной из пламени костра, благословив мой путь, – но как понять, какой из путей мой? Прежде я был причастен к высшему жречеству и его великой мудрости, помогал отцу и учителю Тулуму – а теперь скитаюсь по лесам, как зверь, и здешние дикари меня за человека не считают... Впрочем, какая разница? Главное, кем меня считает Господь Солнце... – Аоранг поглядел на царицу. Но даже созерцание любимой не смогло прогнать тревогу. – Хвала Небу, я нашел царицу, но что дальше? Мы ведь идем в Накхаран, а значит, разлучимся с ней навсегда... Господь Исварха, открой мне глаза! Приведи туда, где я буду нужен, где перестану чувствовать себя чужим и лишним, а жизнь делается осмысленной!»

Аоранг со вздохом опустил голову и сильнее заработал веслом.

Глава 6

Ночной разговор

К вечеру беглецы остановились у пологого берега и занялись ночлегом. Небо было ясным, решили обойтись без шалаша. Пока Янди разводила костер, Аюна с Аорангом отправились на охоту. Аюна уже успокоилась после побоища на огненной горе и вновь стала весела и беспечна. Глядя на царевну, мохнач старался не выдавать счастья, распиравшего грудь. Вдобавок их догнал Рыкун, о котором Аоранг уже начинал беспокоиться. Едва стемнело, саблезубец выбрался из зарослей и принялся радостно рыскать по лесу вокруг охотников, вспугивая дичь.

Раздувая огонь, Янди краем глаза увидела, как смотрит на нее накх. Весь день он молчал, лишь иногда отвечал невпопад на редкие вопросы. Что он задумал? В том, что даже раненым накх может быть смертельно опасен, лазутчица ничуть не сомневалась. Сегодня и так немногословный Даргаш казался особенно замкнутым и скрытным, и это настораживало Янди. «О чем он догадался? – размышляла она. – Надеюсь, не о том, кто навел на его отряд лютвягов. Тогда дело плохо...»

Через некоторое время охотники вернулись с серым гусем, не долетевшим до зимовья. Птицу запекли в углях, обмазав накопанной тут же у берега глиной.

После ужина маленький отряд расположился на отдых. Уставший за день мохнач упал на шкуру возле костра и мгновенно заснул – управлять тяжелым, неповоротливым челном было делом почти непосильным для обычного человека, Аоранг и так греб за шестерых. Янди вывალась сторожить первой, за ней Даргаш, и уж под утро, когда тьма сменяется туманной мглой и восходит солнце, – Аюна. Она сама настояла, чтобы нести дозор наравне с прочими.

Солнце ушло за лес, черное небо усыпали яркие осенние звезды. Янди сидела у костра, подбрасывая хворост в ненасытное пламя. Сейчас ей вспоминался совсем иной огонь – тот, взметнувшийся, как живой, при словах ее клятвы.

По коже девушки волной прошел мороз. Всю свою взрослую жизнь она старалась держаться подальше от подобных мест. Именно потому, что с детства помнила, каково оно – жить бок о бок с опасным и жестоким божеством. Не принадлежать себе; осознавать, что в любой миг она может стать жертвой в игре, которую не знает и не понимает... Всякий раз, покидая изукрашенный резными змеями пещерный храм, Янди чувствовала невольное облегчение, будто выбралась из западни. Похоже, теперь, сама того не желая, с этой клятвой она опять угодила в силки. Кто принял ее клятву? Саконский Брат-Огонь или господь Исварха? Или в здешних лесах они не имеют силы? И там, на холме, заправляет неведомый ей подземный дух?

«Зачем я только поклялась пощадить Тхери? – с досадой размышляла она. – Разве он щадил меня? Подумать только, я когда-то верила, что мы будем всегда вместе...»

Взгляд Янди застыл. Глупые детские мечты! Как быстро она тогда от них избавилась! И все же в том, что он ушел, не простившись, и унес в никуда ее сына, было что-то непростительно обидное... Нечто такое, что годы не избавляют...

Янди вскинула голову, скорее ощутив, чем услышав чье-то присутствие рядом. Даргаш сидел на корточках в нескольких шагах от нее.

– Ты подпустила меня совсем близко, – произнес он с удивлением.

Янди хотела простодушно ответить, что задумалась, но лишь дернула плечом.

– С того места, где ты лежал, достаточно одного легкого движения запястьем, чтобы метнуть нож. Либо я тебе верю, либо нет.

– И ты мне веришь?

– Если бы не верила, ты бы не проснулся. Вернее, не очнулся – еще там, на заимке Станимира...

– Верно, – кивнул накх. – Но я все же хотел бы понять, кто ты, прежде чем смогу решить, верить тебе или нет.

– Глупости, – отмахнулась Янди. – Накх верит своим отцу и матери, саару, теперь вот – саарсану. А чужеземной девушке накх не поверит никогда. Он всегда будет подозревать ее, ведь так?

– Так. Но сама посуди. Разве могу я не подозревать тебя? Прежде я знал тебя как вендскую травницу. Но вчера ты говорила со стариком на его языке... Никто не знает язык саконов, кроме саконов! Лишь накхи понимают их, ибо наши племена в родстве. Тогда же ты бросилась на меня с ножом...

– Я не хотела причинить тебе вреда, – мягко ответила Янди. – Но не могла допустить, чтобы ты тронул старика.

– Хотела, не хотела... Думаю, в этой земле не нашлось бы воина, кроме разве оборотней Станимира, который, прежде чем сунуть острие к моему горлу, на время отсушил мне другую руку. А ты это сделала запросто, будто иначе и быть не могло. Тогда я понял, что ты не та, за кого себя выдаешь... Потом ты убила волчат-лютвягов... Кто ты, Янди?

– Вендская травница, – не моргнув глазом ответила девушка. – Кстати, пришло время сменить тебе повязку. Иди сюда, помогу снять рубаху!

– Чего ты сейчас хочешь? – с ухмылкой спросил Даргаш. – Излечить мою рану или прервать мне дыхание?

– Здоровый воин в пути полезнее, чем мертвый, – вернула улыбку Янди. – Ты задал вопросы... Что ж, мне скрывать нечего. Я отвечу на них. Сам знаешь: если я попытаюсь солгать, рука моя дрогнет. Ты сразу почувствуешь это...

– Хорошо. Говори.

Янди встала, подошла к Даргашу, осторожно помогла ему избавиться от рубахи и принялась за дело. Бережно сматывая тугую повязку, разворачивающую плечи накха, она начала рассказ:

– Я почти не помню родных земель. Родители мои погибли от рук лютого врага, когда я была совсем мала. Меня спасла тетка, сестра матери. Она увела меня из разоренного дома в тайное место в глуши. Там мы жили много лет. Среди моих воспоминаний – пещера, очаг, в котором горит обложенный камнями огонь... Кажется, я любила смотреть в пламя... Кроме меня, там жили другие женщины. Они не были моими родичами. Моя тетка, так и не заменившая мне мать, была суровой женщиной, не знавшей мужа. Однако она многому меня научила... – Янди глубоко вздохнула.

– Однажды в наш дом явились саконы. Мужчина с троими сыновьями. Парни были еще совсем юнцы, однако хорошо знали кузнечное дело и ловко охотились...

– Саконы? В здешних лесах? – хмыкнул Даргаш. – Да легче научить медведя плясать, чем заставить сакона уйти из дома!

– Венды и медведей учат... Но речь не о том. Не знаю, что заставило их прийти в наше тайное обиталище, но с тех пор наши жизни оказались связаны. Ты спрашивал, кто научил меня обращаться с оружием? Пожалуйста – тот самый старик, чью жизнь это умение спасло вчера на заре. Сакон учил сыновей, а заодно, будто для смеху, и меня.

– Иные саконы ловко управляют с клинками, – признал Даргаш.

– Как же иначе? Они куют мечи и не знают, как с ними управляться? Постепенно юные саконы заменили мне старших братьев, а их отец стал отцом и мне. Так прошло несколько зим. И вот однажды мои названные братья вдруг осознали, что из девчонки-замарашки я превратилась в девушку...

– Братья влюбились в тебя? – спросил накх, испытывая невесту откуда взявшуюся досаду.

– Да, особенно старший. И я влюбилась в него. Впрочем, больше никого достойного поблизости и не было... Тогда произошла ссора. Когда мы вместе пришли к отцу и заявили, что

будем жить семьей, тот взвился, точно сел в осиное гнездо. Кричал, что мужчины его рода не смеют мешать чистую законскую кровь с мутной кровью какой-то чужеземки... – Янди усмехнулась. – Мой избранник был не менее упрям, чем его отец. Он объявил, что ему не нужен никто, кроме меня. Младшие братья тоже встали на мою защиту. И тогда отец выгнал нас всех из дома.

– Еще бы! – одобрительно кивнул Даргаш. – Сыновья посмели сказать слово поперек отца! Мог и убить.

– Думаю, он на самом деле не хотел ни убивать, ни прогонять сыновей. Так, припугнул. Однако те были не менее горячими и яростными, нежели отец. Так мы и ушли, все вчетвером.

– Что же было дальше?

– Прошло еще две зимы... – Янди отложила в сторону моток холстяной ленты. – Осторожно, не своди плечи. Сейчас я сделаю тебе свежую примочку. – Она оглядела подживающую рану. – Все идет хорошо, скоро ты сможешь двигать и другой рукой. Но помни – ты должен беречься, пока окончательно не выздоровеешь.

Даргаш нетерпеливо произнес:

– Ты отвлеклась. Итак, прошло два года...

– Да. Тяжелое было время, скажу прямо. Мы много странствовали. Иногда находили себе кров в вендских селениях, и везде на чужаков глядели искоса, чуть что – гнали прочь. Братья занимались ремеслом, я лечила. Тетка сызмальства научила меня разбираться в травах и готовить зелья. Затем у меня родился сын... – Янди замешкалась, подбирая слова. – Как-то так все пошло, что мы с моим избранником стали смотреть в разные стороны. Он все чаще говорил, что виноват перед отцом, что зря ушел со мной. Даже – что я проклетие его рода... Тот, кого я считала супругом, начал глядеть на меня как на врага... И вот однажды он взял сына из колыбели, собрал котомку – и ушел.

– А ты?

– В ту пору у меня была лихорадка, – сухо ответила Янди. – Несколько дней я пролежала без сознания. Братья как раз охотились. Вернувшись, они нашли меня едва живой. Старшего и след простыл. Он удачно выбрал время, чтобы сбежать... Когда я выздоровела, мы решили идти в Мравец и наняться на службу к арьям.

– После того, как арьи истребили твою семью?

– Разве не то же самое когда-то сделали накхи после Битвы Позора?

Даргаш нахмурился.

– Не дергай плечом! – строго сказала Янди, и продолжила: – По воле Исвархи я неплохо живу последние годы. Сам видишь – нахожусь в услужении солнцеликой царевны, а не сижу в промозглой землянке среди болот. За все приходится чем-то платить... Когда мы с моей возлюбленной госпожой доберемся до саарсана, то будем со смехом вспоминать наши лесные странствия...

– А где сейчас твои братья?

– Увы, младшие погибли. А где старший – я и сама очень хочу узнать. И как представится случай – непременно выясню... Ну что, ты услышал довольно?

– Да, вполне.

– Тогда я попрошу тебя молчать. Ты воин и не запятнаешь себя сплетнями о маленькой травнице...

Даргаш обернулся, стараясь заглянуть в лицо девушке:

– Почему ты сразу не сказала, что служишь царевне?

– Когда твои люди схватили меня, ударили головой о дерево и привязали, оставив в пищу волкам?

– Прости, кто же знал...

– А поговорили бы со мной добром – возможно, сейчас были бы живы! – укоризненно ответила Янди. – Я-то знала, что служу дочери Ардвана, а вот зачем ее преследуют накхи, для меня было загадкой! Откуда мне знать, что Ширам послал вас спасти его невесту? Быть может, он хотел просто захватить царевну арьев и надругаться над ней?

– Как ты смеешь подозревать саарсана в таких вещах?! – вспыхнул накх.

– Ширам умыкнул солнцеликую из Лазурного дворца, перекинув через седло. С той поры я не знаю, чему верить, чему нет. Однако мне хочется считать, что он сделал это из страстной любви к моей госпоже.

– Несомненно, так и было!

По правде сказать, многие в Накхаране ворчали, что на саарсана нашло безумие. Из-за своей непонятной прихоти он навлек беду на целый народ. И почему для него свет сошелся на какой-то девице, пусть даже и царевне? Чтобы человек так стремился завладеть женщиной, что начинал вредить своей семье и самому себе... да разве такое может случиться без самого вредоносного колдовства?! Но теперь Даргаш почему-то чувствовал, что куда лучше понимает своего саарсана, чем прежде.

– Что ж, любовь многое извиняет, – с улыбкой ответила Янди. – А сейчас помолчи – я затяну узел...

Глава 7

Вихри и молнии

Едва возшло солнце, Аоранг спихнул длинный челн на воду и, забравшись в него, протянул руку царевне. Последним в лодку с явной неохотой запрыгнул Рыкун. Пребывание в покачивающейся лодке не шло на пользу саблезубцу: его вскоре начинало мутить, он принимался глухо стенать и едва ли не плакал, требуя пристать к берегу и выпустить его.

Подгоняемый течением челн двинулся в сторону Даны. Поток начал понемногу слабеть, и Аоранг снова принялся грести. Янди орудовала кормовым веслом. Вдвоем они едва справлялись с неуклюжей долбленкой, которая то и дело норовила развернуться поперек русла и уткнуться в прибрежные камыши.

По сторонам однообразной стеной тянулся лес, сменяясь иногда длинными луговинами. Аюна задумчиво глядела на берег, думая о своем. Впрочем, будь она повнимательнее, то заметила бы, что он изменился. Давно уже не встречались ели и сосны, их место заняли ивы и незнакомые деревья со светлыми стволами и тонкими ветвями. Непроходимые прежде заросли словно понемногу растворялись в наступающей со всех сторон травянистой равнине.

Но Аюна, погруженная в воспоминания о произошедшем на огненной горе, не глядела по сторонам. Там она впервые убила человека, юного лютвяга, выстрелив в него почти в упор, – и поди ж ты, его дух не приходит к ней по ночам. Может, пребывание среди дикарей изменило ее и она понемногу становится похожей на Янди, убивающую легко, без раздумий и жалости? Царевна содрогнулась. Ей вдруг привиделось, будто с каждым новым врагом ее телохранительница губит и часть себя, становясь все меньше, пока не исчезнет вовсе.

Аюна перевела взгляд на Даргаша, и ее сердце невольно тронуло сострадание. Может, за эти дни она успела привыкнуть к нему, но молодой накх больше не был для нее безликим кровожадным хищником, как прежде – все его соплеменники. «Рана мучает его днем и ночью, но Даргаш и виду не подает, – думала царевна. – Страдает лишь оттого, что считает себя обузой...»

Аюна вспомнила, как на холме у негасимого огня Даргаш без колебаний бросился в бой и как сияло его лицо, когда он вернулся назад, доказав, что и с одной рукой может быть опасным. Как он предложил отдать жизнь, чтобы позволить царевне спастись, – будто среди теплого дня похолодало и он протянул ей плащ... Скоро они доберутся до Накхарана, и Даргаш, воин из рода Афайя, станет одним из ее подданных. «Может, зря я считала всех накхов лишь свирепыми убийцами? – задумалась Аюна. – Или же не зря?»

Перед ее внутренним взором тут же встала картина кровавой резни, которую некогда учинил Ширам в ее покоях. Разве знатный арий позволил бы себе подобную дикость, даже если бы невеста отвергла его?

Царевне вдруг припомнился давний случай из детства, уже надежно позабытый, но сейчас всплывший в памяти, будто покрашенный штукатуркой рисунок из-под верхнего слоя. Какое-то великое празднество в Верхнем городе. Они с братом и отцом едут на колеснице. Верно, это их самый первый выезд, когда Аюр после смерти брата был объявлен наследником престола. И вдруг что-то происходит – движение в толпе, хлопок, дорогу затягивает темное облако вонючего дыма... Вооруженные люди с закрытыми лицами рвутся к царской колеснице... И на пути у заговорщиков становится совсем юный воин. Тогда она еще не знала, кто это, – ей рассказали намного позднее. Ширам, единственный сын Стража Севера Гауранга, прибывший в столицу, чтобы вступить в ряды Жезлоносцев Полуночи...

Аюна осторожно перебралась вдоль челна поближе к Даргашу и попросила:

– Расскажи мне о Шираме.

Лицо раненого просветлело. Он попытался приосаниться, но только скривился от боли.

– Мир не знает другого такого воина, как наш саарсан, – торжественно начал он. – Он – гордость рода Афайя, подарившего Накхарану немало великих правителей...

– Никто и не сомневается в доблести Ширама, – перебила его царица. – Но что он за человек? Добрый или злой? Милостив ли он к подданным? Сострадателен ли он?

На лице накха возникло озадаченное выражение.

– Мне предстоит стать его женой, – пояснила Аюна. – Когда Ширам еще был маханви-ром Полночной стражи, я видела его во дворце довольно часто. Но сейчас вдруг поняла, что совсем его не знаю.

Даргаш удивленно глядел на златовласую красавицу. Разве он сказал мало?

– Что желает узнать солнцеликая?

– Каков Ширам в кругу семьи? Ведь у него есть семья? – Царица едва не проговорила «отец и мать», но вовремя вспомнила, что отец Ширама погиб, а мать сгорела на его погребальном костре. – Сестры, братья?

– У саарсана нет братьев. Старшая из его сестер, саари Марга, долгие годы правила зем-лями, крепостями и башнями рода Афайя, пока саарсан служил в столице. Она – великая вои-тельница, погибель вендов, воплощенная Мать Найя в ее самом смертоносном обличье! Если же ты хочешь узнать побольше о шести женах саарсана...

– Нет-нет, – поспешно отказалась Аюна. – Лучше поведай вот о чем. Об отце Ширама ходили слухи, что тот был человек весьма жестокий. А что он сам?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду под «жестокостью», царица, – с сомнением протянул Даргаш. – После битвы у излучины, где наше войско попало в засаду, Ширам приказал не брать пленных, а всем уцелевшим колесничим отрубить руки и ноги и в таком виде отослать в столицу. Думаю, ары могли бы назвать это деяние жестоким...

– Еще как могли! – возмущенно воскликнула царица. – Калечить безоружных!

– А ты видела, моя госпожа, что делает с пешцами и лошадьми боевая косящая колесница арьев? – послышался с кормы ехидный голосок Янди.

– С другой стороны, когда Ширам хитростью взял Двару, он запретил нам грабить и жечь город, – продолжал размышлять вслух Даргаш. – Это было поистине жестокое решение, ранившее сердца многих смелых воинов! Какой смысл в войне, если нельзя взять добычу?

– Расскажи что-нибудь веселое, – отчаявшись, предложила Аюна. – Какой-нибудь забав-ный случай с ним!

Молодой накх задумался. Впрочем... Он кое-что вспомнил и усмехнулся:

– Сейчас я расскажу тебе, солнцеликая, забавную историю. Вскоре после того, как пали стены Двары, коварный червь, зовущийся Кираном, вновь отправил в степи полудня войско против саарсана. Во главе его он поставил лучшего из своих военачальников...

– Кого? – с любопытством спросила Аюна.

– Кажется, его звали Сандар.

– А, я его знаю! Он возглавил Жезлоносцев Полудня после того, как пропал Джериш...

– Сто колесниц было у воеводы Сандара, тысяча всадников, ну и всяких пешцев без счета, – продолжал накх. – Пообещал Кирану: «Привезу тебе голову саарсана или сложу свою, если не будет ко мне милостив Исварха!» Во главе войска Сандар-воевода пошел к повержен-ной Дваре. Однако и двух дней не прошло, как его дозоры заметили в степи конников. Но сколько ни посылал он войска против храбрых накхов – те ускользали от него как вода сквозь пальцы...

– Ах, не хватает сладкозвучной читры, – вновь послышался с кормы насмешливый голос Янди.

– Разгневался Сандар-воевода и послал в погоню за накхами колесницы и всадников при них, а сам дальше поехал, – ничуть не смущаясь, продолжал Даргаш. – Велел им нагнать войско, как только накхи будут повержены. Можете себе представить?

– Вполне, – кивнула Аюна, легко представляя себе златовласого красавца Сандара, на гнедом коне, в позолоченных бронзовых доспехах выезжающего из дворцовых ворот. Сколько восхищенных женских глаз любовалось его гордой статью!

Но нах явно имел в виду что-то другое.

– Стоит ли говорить, что ни колесницы, ни всадники больше не вернулись? А на рассвете следующего дня с другой стороны появился отряд моего старшего брата. Сыны Змея бросились вперед; их стрелы дождем поливали вражье войско. Однако едва войско арьев построилось, мои собраты развернули коней. За ними была отправлена погоня – и она тоже не вернулась...

– Смешно-то когда будет? – спросила царица.

Даргаш запнулся, взглянул на нее с недоумением:

– Погоди, солнцеликая, дальше будет еще веселее. Так продолжалось три дня. Войско Сандара уходило все глубже в степь и редело, не дождавшись боя. Военачальник злился и проклинал саарсана – да все попусту! Он потерял едва ли не всех – а нашел лишь выжженную степь да облака пыли где-то вдали. И вот наконец на закате впереди показался большой холм. Частым лесом вокруг того холма стояли наши всадники, а с вершины глядел на измотанного врага сам саарсан...

– Разве в этом есть что-то смешное? – нахмурилась Аюна.

– Конечно. Сандар-воевода без боя потерял войско, да еще и сам угодил в западню. Разве не забавно?

– По-моему, это грустно. Множество храбрых арьев погибли ни за что.

– Как – ни за что? За царский венец твоего брата, солнцеликая. А кроме того, лишь немногие из них погибли, большинство мы взяли в плен. Я же сказал, это смешная история. Слушай дальше.

– Говори, – с сокрушенным вздохом кивнула Аюна.

– Ширам лично поздоровался с противником и пожелал ему долгих лет жизни. А затем сказал: «Ты обещал изменнику Кирану мою голову?» Сандар гордо ответил: «Да, обещал!» – «Меня позабавили эти пустые слова, – ответил ему саарсан. – Сам видишь, я могу истребить твой отряд до последнего человека, прежде чем ты увидишь стены Двары. Но я не хочу этого делать. Ибо не желаю мести, а верно служу законному государю Аюру. У тебя два пути, Сандар: сложи оружие или умри от жажды и голода, потому что я не выпущу тебя из степи, а пока мы с тобой беседуем, мои люди как раз захватили твой обоз. Но чтобы не обижать тебя злой насмешкой, я дам тебе возможность испытать волю богов. Мы выйдем с тобой без оружия, сам на сам. Если сможешь одолеть меня, я отпущу тебя и отдам весь полон, взятый мной за эти дни. А если я тебя одолею, ты признаешь законного государя Аюра и пойдешь служить под мою руку во главе своих людей».

– И что Сандар? – спросила Аюна. – С негодованием отказался?

– И был немедля растерзан в клочья, – подхватила Янди. – На том и завершилась эта веселая история...

– Нет, – торжествующе отозвался Даргаш. – Все было не так. Сандар, разумеется, принял вызов. Он гордился своей ловкостью и силой и, как все арьи, считал себя непобедимым. И, как это часто бывает, совершенно не думал, что его противник будет двигаться. Чтобы одолеть его, Шираму понадобился один удар и один захват.

– Не может быть, – вспоминая старого знакомого, проговорила царица.

– Мой брат сам это видел. Когда жезлоносец бросился на саарсана, Ширам ударил его в колено, а затем прихватил горло предплечьем и чуть придушил. На этом бой и закончился, – с довольной улыбкой сказал Даргаш. – Как и было решено прежде, войско арьев признало законного государя Аюра и теперь верно служит ему под началом нашего саарсана. По-моему, это забавная и очень поучительная история.

Царевна вздохнула. Судя по всему, пока она не встретится с Ширамом и не взглянет ему в глаза, она так и не узнает, что за человек ее будущий муж...

* * *

К вечеру кусты и деревца, росшие по обе стороны протоки, совсем поредели. Налетел ветер, вдали послышался плеск воды, затем пошли унылые, бесконечные заросли рогоза. В небе с резким криком пронеслась речная чайка. Но вот плавни расступились, и перед беглецами раскинулись сырые и ветреные просторы. Река разливалась здесь куда шире, чем в верховьях, зато и течение несколько замедлилось. Вдалеке маячила рыжая полоса другого берега.

– Вот и Дана, – радостно сказал Даргаш. – Отсюда до наших гор всего пять дней пути! – Он помолчал и добавил: – Это если верхом. Так-то побольше. Но если повезет, там дальше, – он кивнул на восток, – можно встретить наши разъезды. Главное, до них добраться. Саарсан ждет свою нареченную, так что всякий нахх сделает все, чтобы ускорить их встречу. Но для начала следует перебраться на другую сторону.

– Ты знаешь эти места? – негромко спросила его Янди.

– Именно эти – нет. Не доводилось тут бывать.

– Жаль. Сейчас тут частые дожди, а значит, нужно искать возвышенность. Иначе увязнем в болотине.

– Верно, – кивнул Аоранг. – Но вон там... – он указал веслом на травянистую горюшку, высившуюся на дальней стороне впереди по течению, – похоже, можно пристать.

Янди вгляделась в холм, на который указал мохнач. Утес, напоминающий тура, пришедшего напиться воды, далеко вдавался в русло Даны. У подножия опытным глазом угадывалась отмель, а на вершине смутно виднелась какая-то постройка.

– Тогда стоит поторопиться, – проговорила Аюна. – До полной темноты хорошо бы успеть переправиться и развести костер.

Аоранг устало прикрыл глаза и тайком вздохнул. Дубовый челн прекрасно годился для охоты, с него можно было стрелять из лука, стоя во весь рост без страха опрокинуться, или метать дротики в речного зверя. Его сложно было перевернуть – но управлять им было еще сложнее. Особенно на открытой воде, там, где волны и ветер! Каждодневная гребля вконец измотала Аоранга. В схватке с Шерехом он потерял много крови, и его рана, хоть неопасная, все время ныла и никак не заживала.

Однако спорить с Аюной мохнач не хотел. Стиснув зубы, он сделал широкий гребок, выводя челн из плавней. Их сразу же подхватило мощное течение и понесло, стараясь развернуть. Приходилось грести изо всех сил, чтобы направлять ее куда следует. С трудом удерживаемая на быстрых волнах лодка раскачивалась, то и дело норовя зачерпнуть бортом воду.

– К утесу правь! – не оглядываясь, крикнул мохнач.

– Я правлю! – отозвалась Янди, налегая на рулевое весло.

Испуганный качкой саблезубец жалобно завывал, не желая и не умея скрыть обуревавший его страх.

– Ну тихо, тихо! – уговаривал его Аоранг. – Потерпи немного, скоро выберемся.

Лодку вдруг сильно качнуло. Краем глаза мохнач глянул за борт и увидел нечто темное, проступающее из-под воды. В первый миг он принял это за подводный камень, мимо которого удачно пронесло челн. Но через миг понял, что ошибся, – темное и блестящее двигалось, не отставая от челна. Хуже было другое – «камень» заметил Рыкун.

– Стой! Назад! – закричал Аоранг, угадав его намерение.

Но было уже поздно. Стремясь поскорее спастись от качки, саблезубец перепрыгнул на «камень». В следующий миг над водой взметнулась огромная плоская голова с распахнутой

пастью. Вдоль головы извивались два длинных, похожих на вервия уса. Затем голова исчезла, и тяжеленный хвост с размаху ударил по челну, разворачивая его поперек течения.

Стараясь удержаться на громадной рыбине, саблезубец выпустил когти и впился в мокрую скользкую спину. Вопль его стал вовсе отчаянным. Но людям было не до того. Разъяренный болью сом ударил головой в борт, будто тараном. Лодка подскочила над водой, едва не перевернувшись. Аоранг, увидев совсем рядом тупые, налитые мрачной злобой глаза чудища, с размаху ударил его широким веслом. Затем еще и еще раз. Рыбина, насчитывавшая в длину никак не меньше дюжины шагов, пронырнула под челном. На миг Рыкун скрылся из виду, но вскоре, ошарашенно отфыркиваясь, появился вновь. Теперь он плыл к берегу, загибая лапами.

– Сейчас чудище бросится на саблезубца! – закричала Янди. – Аюна, стреляй!

Ошеломленная не менее других царевна только сейчас вспомнила о луке. Мигом она вытащила его из налуча, одним движением поставила тетиву и наложила на нее стрелу. И тут же увидела прямо за бортом распахнутую рыбью пасть.

– Получи!

Широкий наконечник срезня впился в голову длинноусого страшилища.

– И вот еще!

Стрелы запели, втыкаясь в сома одна за другой. Можно не сомневаться – каждая из них могла бы свалить большого зверя. Однако этот враг не подавал и вида. Он лишь отвлекся от Рыкуна, сделал круг под водой, норовя вновь пронырнуть под челном – должно быть, собираясь опрокинуть его. Но едва он приблизился, Аоранг еще раз с ревом ударил яростную рыбину веслом. Та раззявила пасть и, будто тростинку, перекусила крепкую деревяшку. Аоранг потерял равновесие и едва не свалился в воду.

Аюна успела выпустить в упор еще пару стрел, но уколы лишь обозлили Хозяина реки. Уродливая голова ударила в борт челна как раз там, где находился Даргаш. Накх ухватился за край борта и, взыв от боли, с размаху всадил нож в глаз твари.

Должно быть, этот удар наконец оказался ощутимым. Рыбина отдернулась в сторону, плеснула хвостом и ушла в глубину. И накх, не успевший отпустить рукоять, – вместе с ней.

– Даргаш! – воскликнула Янди, метнувшись было ему на помощь.

Но больше сказать ничего не успела. В воду совсем рядом с бортом челна ударила молния.

Янди вскинула взгляд к небу. Прямо над ними нависала низкая клубящаяся туча. Откуда она взялась? Совсем недавно небо было совершенно мирное и безоблачное! Верхний край ее угрожающе светился, наливаясь яростью грядущих молний.

– На дно! Падайте все на дно! – закричал Аоранг. И, схватив опешившую царевну, навалился сверху.

Раздался удар грома, сухой треск, и новая молния бичом хлестнула по реке.

«А ведь нас предупреждали... – уткнувшись носом в мокрое дно челна, думала Янди. – Проклятье, нет ничего хуже, чем оказаться в грозу на воде! Господь Солнце и Матерь Найя, спасите нас от злобы здешних колдунов!»

Вздувшиеся невесть откуда волны понесли лишенную весел лодку, брошенную на произвол судьбы. Каждый раз, когда небо у них над головой начинало глухо рокотать, Янди шептала моления о спасении, вспоминая имена всех известных ей богов. Сквозь раскаты грома она слышала срывающийся голос Аюны и надеялась, что мольбы дочери Исвархи защитят их от близкой гибели. И всякий раз молния с шипением гасла в воде где-то поблизости, не тронув легкую добычу. А потом вдруг качка прекратилась. Захрустев мокрым песком, челн мягко выскочил на отмель и замер.

Янди перестала шептать мольбы и заклинания, подняла голову и огляделась. Ни ветра, ни грозы больше не было. Над рекой снова мирно розовело закатное небо. Колдовская туча будто растаяла в нём...

– Поднимитесь! – раздался поблизости резкий незнакомый голос.

Часть 2

Зимняя жертва

Глава 1

Дозорная башня

– Кто вы такие? Что привело вас в земли Двуликой Матери?

Речь говорившего напоминала язык Аратты, но звучала по-иному, будто бы мягче.

Стоящие рядом с лодкой двое мужчин выглядели чрезвычайно странно. Царевна пыталась осознать, на кого они похожи, и не могла вспомнить ничего подобного. Длинные волнистые волосы распущены по спине, обнаженные руки покрыты мелким синим рисунком – извивающимися полосами и спиралями, от которых рябило в глазах. Даже на пальцах росписи покрывали всю кожу до самых ногтей. С густо раскрашенных лиц, будто сквозь маски, неприветливо глядели светлые глаза.

Царевна вскинула голову:

– Я – Аюна, дочь государя Ардвана. Я следовала на встречу со своим женихом в Двару, однако по пути лесные разбойники похитили меня. С помощью друзей я смогла освободиться и сбежать. Мы надеемся, что вы примете меня и моих людей почетными гостями в ваших землях. Мой брат Аюр – новый живой бог на престоле Аратты, – несомненно, щедро одарит вас, когда я невредимой вернусь в столицу... – Царевна указала на спутников. – Эти люди – моя свита. С нами был еще воин-накх, он пропал и, возможно, погиб, защищая нас от водяного чудовища. Однако, если Исварха милостиво оставил его в живых, прошу оказать ему должный прием.

Незнакомцы переглянулись. Тот, что был постарше с виду, кивнул.

Янди с колотящимся сердцем разглядывала незнакомцев – узоры, покрывавшие их руки и лица, пробудили в ней воспоминания далекого, полузабытого детства...

Аоранг, напротив, помрачнел и набычился. Хозяева этой земли не нравились ему. Мохнач нутром чуял в них чуждую и опасную силу и был готов, если понадобится, закрыть собой царевну. А когда они заговорили, он понял – худшие его предчувствия подтверждаются...

– Теперь понятно, почему вы живы, – произнес старший из чужаков, обращаясь к Аюне. – Если ты не лжешь о своем небесном родстве, то это оно уберегло вас от стрел Господина Тучи. Но Сварга-Знаменосец здесь не правит. Что значишь ты сама – решит Двулика, когда взглянет на тебя всепроницающим оком. И от этого будет зависеть, следует ли предать смерти вас всех или оставить кого-то в живых...

Аоранг мельком глянул на Янди, ожидая, что сейчас та сделает неуловимое движение запястьем и один из негостеприимных хозяев этой земли рухнет с ножом в горле. Еще движение – и второй последует за ним. Однако, к его удивлению, Янди точно забыла свои прежние привычки. Она глядела как зачарованная на говорившего, кажется и вовсе его не слушая. Аоранг начал медленно приподниматься... Один из чужаков свел брови – и тут же невесть откуда взявшийся вихрь взметнул длинные волосы мохнача.

– Лишь двинься – и этот ветер поднимет тебя над скалой, как опавший лист, – посулил разрисованный. – А затем так ударит о камни, что останется лишь липкое пятно.

Аоранг ничего не ответил: он понял, кто перед ним. «Исварха Всесветлый, это же облакопрогонники!»

А Янди в этот миг вспомнился названный отец-сакон. Похоже, здесь-то его и попотчевали вдоволь небесным огнем, превратившим могучего мужа в безликое существо, страшное и жалкое.

– Мы пришли с миром, – с достоинством произнесла Аюна, понимая, что ее слова не слишком убеждают стражей этой земли. – Мы лишь желаем...

За спинами разрисованных послышался грозный рык. Те одновременно оглянулись – в нескольких шагах от них припал к земле саблезубец. Вода ручьем текла с его шерсти, лапы по самое брюхо вымазаны в буром прибрежном иле. Желтые глаза неотрывно глядели на собеседников Аюны. Зверь приподнял верхнюю губу, обнажая клыки-ножи. Из пасти вырывалось глухое рычание.

Ошеломленные облакопрогонники замерли. Впрочем, страха на их лицах не было. Увидев, что старший ловит взгляд саблезубца, сводя брови, Аоранг вскочил, намереваясь броситься защитить Рыкуна.

– Нет! – воскликнула Аюна, хватая его за руку. – Остановись, не надо!

Она повернулась к стражам:

– Рыкун не тронет вас! Он ручной!

Лишь Янди, обычно столь стремительная и безжалостная, продолжала смотреть на чужаков, будто и вовсе не заметив саблезубца.

Детские воспоминания, прежде являвшиеся лишь в кошмарных снах, вдруг нахлынули наяву. Она бежит через лес, покрывающий дно ущелья, – перепрыгивает с камня на камень, плачет от страха и жалости к себе. Время от времени она оскальзывается, падает... Впереди бежит ее отец – настоящий отец. Она не знает ни его имени, ни рода: ей памятли лишь ласковые синие глаза да узоры на руках и лице. Никогда прежде – до сего дня – она не встречала таких сходных узоров. И вот теперь эти чужаки, едва не погубившие их на реке, – Янди была готова поклясться, что именно такими росписями был покрыт ее отец...

– Это ваш зверь? – медленно и очень внятно спросил один из стражей границы.

– Да, – решительно ответила Аюна. – Прошу, не причиняйте ему вреда!

Стражи снова принялись шептаться. Аоранг отметил непонятное волнение на их лицах.

– Идемте с нами, – наконец произнес облакопрогонник. – Вам нужно отдохнуть и согреться. Никто не причинит вам зла.

* * *

Аоранг медленно шагал вслед хозяевам здешних берегов, неспешно, обстоятельно разглядывая окрестности. Раскрашенные стражи карабкались по узкой тропинке вверх в обход скалы, даже не оглядываясь на «гостей». Аоранг глянул под ноги. Земля была каменистой, но все же тропка виднелась довольно отчетливо.

«Не могла же стежка возникнуть сама собой? – подумал он. – Значит, зачем-то люди ходят к воде, и нередко. Вот только зачем? Не подкармливать же водяное чудище?»

Мысль о Хозяине реки не добавила мохначу доброго отношения к чужакам. Он чувствовал их силу и опасность. Не такую силу и опасность, какая, скажем, исходила от Даргаша – ядовитой змеи в человеческом облике. И не такую, какая чувствовалась в Янди, – та была точно гибкая плеть, которая перешибает хребет, не испытывая по этому поводу ни ярости, ни сострадания. Облакопрогонники были сродни черным тучам, полным затаившихся молний. Не злые сами по себе, они могли стать безжалостными, если нахмурит брови Двулика...

Но прямо сейчас раскрашенные и впрямь не собирались причинять им вреда. Они явно сами не понимали, кого встретили. Похоже, они желали, чтобы с незваными гостями разобрався кто-то более сведущий.

Тропка выбралась на самую вершину утеса. Налетел ветер, качнулись желтеющие травы... Аоранг замер в опасливом недоумении. Чуть в отдалении от отвесного, будто срезанного, обрыва красовался явно насыпанный курган. На кургане стояла одинокая бревенчатая вежа. А вокруг были густо натыканы колья, на каждом из которых скалился человеческий череп.

Аоранг оглянулся на Янди. Ее движения замедлились, стали мягкими и плавными... Если бы мохнач знал ее меньше – вовсе бы не обратил внимания. Сейчас же следовало опередить Янди.

– Куда вы нас привели? – резко спросил он, вклиниваясь между лазутчицей и стражами. – Кого вы тут убиваете?!

– Никого, – удивился страж.

– Тогда кто это? Незваные гости?

Собеседник Аоранга мельком глянул на черепа и вдруг расхохотался, будто услышал нечто невероятно забавное:

– Это те, кто обрел право дожидаться Перерождения близ домовины огненосного Ятры. Не ждешь ли ты, чужак, что удостоился бы подобной чести?

– погоди, – остановил его второй проводник. – Откуда им знать наши обычаи? Ведай же, дочь Знаменосца, – торжественно начал он, повернувшись к Аюне, – что погребенный здесь Ятра был величайшим из нас, верных Господа Тучи...

– Так здесь похоронен жрец-облакопрогонник, – догадался Аоранг.

– И что же, он плохо гонял облака? – пробормотала Янди.

Оба раскрашенных стража поперхнулись от такой непочтительности. Небо стало быстро затягиваться серой дымкой.

– Не слушайте ее, – вмешалась Аюна, – она лишь служанка с длинным языком! Прошу, продолжайте!

Страж мрачно поглядел на хорошенькую служанку, фыркнул, насупленные брови разгладились. Налетел ветерок, небосвод опять просветлел.

– Не шутите о детях Щедрого, ибо он щедр не только на благо, но и на гнев! Ятра был лучшим из лучших, его называли воплощенным огненным копьем в руке Господа. Теперь он лежит в домовине, оберегая границу наших земель. Душа его впитала твердость этой скалы и проросла молниями!

Аоранг и Аюна невольно бросили взгляд на курган. Аюне даже на миг показалось, что в пустых глазах черепов промелькнул синеватый отблеск небесного пламени.

– Так вы принесли в жертву вашего верховного жреца... – задумчиво проговорил Аоранг.

– Принесли в жертву?! – вновь изумился раскрашенный страж. – Что за нелепые слова?

– Мой спутник вовсе не хотел никого оскорбить! – опять вмешалась царевна.

– Нам известны заблуждения твоего народа, дочь Сварги, – снисходительно ответил жрец. – Сама посуди – как можно принести в жертву сильнейшего? Огненосный Ятра обратился с молением к Богине, и она согласилась взять его в мужа. Тогда он спустился в домовину и возлег на брачное ложе, соединившись с нею навеки. А мы укрыли их курганом.

– Вы что же, похоронили его заживо? – недоверчиво спросила Аюна.

– А как иначе? Сама посуди, зачем Богине мертвый супруг? – усмехнулся жрец. – Семя само по себе ничего не значит. Но, брошенное в борозду, оно принесет урожай стократ!

* * *

Деревянная вежа, до которой они наконец добрались, была куда больше, чем казалась снизу. Войдя, Янди увидела сидящих у обложенного камнем очага двух парней с едва проби-

вающимися бородками и куда более скромной раскраской. Один из облакопрогонников, приведших «гостей», негромко что-то сказал сидевшим у очага. Те кивнули, встали и вышли.

– Грейтесь, – будто приказал раскрашенный бородач. – Сейчас вам принесут лепешки и смородиновый настой. Отдыхайте.

Он направился к выходу, однако на миг остановился в дверях и строго добавил:

– Не отходите от башни после заката!

Янди поглядела на царевну: та уже стягивала мокрые сапожки, готовясь насладиться теплом. На сидящего подле очага Аоранга с прикрытыми от усталости глазами... Когда внутри остались только свои, Янди бесшумно встала и скользнула к скрипучей, связанной веревками лестнице. Насколько она успела приметить, лестница вела на крышу башни.

Солнце низко висело над краем степи, полыхая в разрывах облаков. Левобережье Даны простерлось во все стороны, похожее на пеструю шкуру, озаренную огненно-рыжим огнем уходящего светила. Ветер волнами пробегал по ней, ероша шерсть. Правый, вендский берег уже затянуло голубоватой дымкой, край леса потонул во тьме. Янди, прищурившись, повернулась к югу. Несмотря на то что равнина быстро погружалась в тень, лазутчица разглядела две колеи.

«Здесь часто ездят на телеге, – отметила она, проследив взглядом две четкие линии, уходящие в степь. – Так, а вот и развилка...» Дорога расходилась надвое – одна сворачивала на полдень и терялась в полях, другая шла на восток по берегу Даны, повторяя плавные изгибы большой реки. В той стороне было уже совсем темно, однако Янди показалось, что вдали она видит одинокий холм с мерцающей искрой на вершине. «Готова поспорить, что на нем – такая же сторожевая вежа, – подумала она. – И в ней тоже сидит колдун, который следит за вендским берегом и бьет молниями нарушителей границы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.